

ISSN 2541-8947 (On-line)

*Научно-просветительский
журнал
с международным участием*

#3 (11) 2019

*Scientific and Educational Journal
Theology. Philosophy. Law
with international participation*

www.theophil.ru

18+

Рецензируемый
научно-просветительский журнал
ТЕОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ. ПРАВО / THEOLOGY. PHILOSOPHY. LAW.

№ 3 (11) от 30.09.2019

Главный редактор
А.М. Иванов (Владивосток)

Редакционная коллегия
Ю. В. Аргудяева (Владивосток), О.А. Дмитриева (Волгоград),
А. А. Иванов (Тольятти), С. В. Каменев (Владивосток),
О.Г. Ларина (Курск), С. В. Шошин (Саратов)

*Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций как сетевое издание.
Свидетельство о регистрации Эл № ФС77-66963 от 25.08.2016 г.*

Учредитель и издатель журнала
Алексеев Алексей Викторович

Периодичность - 1 раз в квартал

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

*Материалы статей публикуются в авторской редакции.
Авторы несут полную ответственность за подбор и грамотное изложение фактов,
содержащихся в статьях; высказываемые ими взгляды не обязательно совпадают со взглядами
редакции.*

При перепечатке и использовании материалов статей ссылка на журнал обязательна.

*Электронная почта редакции: **feophil@gmail.com***

Номер телефона редакции: + 7 (985) 7217699

*Адрес в сети интернет: **www.theophil.ru***

ISSN 2541-8947 (On-line)

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

Слово к читателю.....	4
-----------------------	---

СТАТЬИ / ARTICLES

ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / THEOLOGICAL RESEARCH

Воробьёв П.А. Служение митрополита Филарета (Вахромеева) как отражение истории Русской Православной Церкви в Беларуси последней четверти XX века...8	
Трудов П.В., Гордеев Д.В. Православная миссия в местах лишения свободы: основные Проблемы и принципы осуществления.....	22

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / PHILOSOPHICAL RESEARCH

Наумов Д.И. Коллективная память как фактор национальной идентичности: социально-философский аспект.....	33
---	----

ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / LEGAL RESEARCH

Иванов А.М., Дорофеева М.А. Пути совершенствования регулирования семейно-брачных отношений в Иране и Азербайджане.....	43
Князьков А.А., Щербак Е.Р. Освобождение от уголовной ответственности по ст. 200.3 УК РФ: оценка законодательной конструкции и правоприменительные перспективы.....	65

РЕЦЕНЗИИ

Каменев С.В. Отзыв на статью Д.И. Наумова «Коллективная память как фактор национальной идентичности: социально-философский аспект»	76
--	----

Слово к читателю

Настоящий номер выходит с международным участием. Раздел «Теологические исследования» открывает работа «Служение митрополита Филарета (Вахромеева) как отражение истории Русской Православной Церкви в Беларуси последней четверти XX века» (Воробьев П.А., Минск), которая посвящена деятельности митрополита Филарета, главы РПЦ в Беларуси в 1978-2013 гг., направленной на возрождение церковно-приходской жизни белорусского народа в последней четверти XX века. В статье рассмотрены основные вехи в жизни архиерея, его личный вклад в укрепление всемирного миротворческого движения и межконфессионального мира в Беларуси, восстановление белорусской системы православного образования, развитие диалога между церковным и светским сообществами.

Следующая работа данного раздела, «Православная миссия в местах лишения свободы: основные проблемы и принципы осуществления» (Трудов П.В., Гордеев Д.В., Владивосток), продолжает тему исследования, представленную в прошлом номере. Статья посвящена практическим вопросам осуществления православной миссии в местах лишения свободы. Описывая среду нахождения заключенных и выявляя религиозные проблемы осужденных, авторы дают рекомендации по работе с ними. Рассматриваются принципы, которые имеют практическое значение для миссионеров и работников правоохранительных органов. В конце работы исследователи делают выводы о необходимости наполнить субкультуру заключенных новым содержанием.

Весьма интересная работа представлена в разделе «Философские исследования». Д.И. Наумов (Минск) размышляет о «Коллективной памяти как факторе национальной идентичности». Рассматривая роль коллективной памяти в формировании национальной идентичности и сохранении культурно-исторической традиции, в функционировании политической системы современного общества, автор полагает, что коллективная память является динамической структурой, релевантной социальному и культурному контексту, которая выступает в качестве фактора конструирования и поддержания национальной идентичности в пространстве отношений власти, господства и

доминирования. В проективном аспекте данная ситуация выглядит как выражение исторически обусловленного коллективного опыта, выступающего в качестве смыслового фундамента будущего политически организованного сообщества. В ретроспективном аспекте – как детерминанты сохранения историко-культурной преемственности определенного сообщества (например, в виде ностальгического потребления или конструирования локальных версий исторического прошлого). Поскольку влияние коллективной памяти как на формирование национальной идентичности граждан какого-либо политически организованного сообщества, так и на политические процессы в стране, представляет собой сложный и многоаспектный процесс, то это требует продолжения соответствующих междисциплинарных исследований. Надеемся, что автор в дальнейшем продолжит знакомство читателей нашего журнала со своими работами в данном направлении.

В разделе «Юридические исследования», как и в первом разделе - продолжение исследования, представленного в прошлом номере журнала. А.М. Иванов и М.А. Дорофеева (Владивосток) продолжают краткий обзор «Путей совершенствования регулирования семейно-брачных отношений в Иране и Азербайджане». Сравнительный анализ основ брачно-семейного законодательства в Иране и Азербайджане позволяет внимательнее рассмотреть предпосылки и тенденции развития не только исследуемой отрасли права, но и современной правовой системы этих стран, в целом. Знание основ брачно-семейных отношений и модернизирующихся исламских традиций в Иране и Азербайджане, по мнению авторов, позволит учитывать особенности исторического развития этих соседних стран в налаживании полнокровных добрососедских отношений.

Завершает данный раздел работа А.А. Князькова и Е.Р. Щербак (Ярославль) «Освобождение от уголовной ответственности по ст. 200.3 УК РФ: оценка законодательной конструкции и правоприменительные перспективы». В ней исследуются недостатки законодательной техники примечания 2 ст. 200.3 УК РФ. В частности, обращается внимание на отсутствие правил об индексации возмещенного застройщиком ущерба (ввиду снижения покупательной способности внесённых ранее дольщиками средств); процедуры по удовлетворению указанного

действия в уголовно-правовой форме; оговорки о том, что в содеянном должны отсутствовать признаки состава иного преступления. Также выделяются субъекты, компетентные осуществлять освобождение от уголовной ответственности по указанным делам, анализируется практика их взаимодействия.

В разделе «Рецензии» Каменев С.В. представляет Отзыв на статью Д.И. Наумова «Коллективная память как фактор национальной идентичности: социально-философский аспект». Рецензент замечает, что феномен коллективной памяти давно привлекает внимание исследователей из самых разных областей социально-гуманитарного познания, что не вызывает сомнения акцентированная в тексте политическая ангажированность природы коллективной памяти. Однако, по мнению рецензента, сфера её обусловленности и влияния требует рассмотрения в гораздо более широком социально-культурном контексте. Обращается внимание на факт, что область ценностных шкал и приоритетов различных акторов нормативно простроить очень затруднительно. Вообще, связь политической деятельности и коллективной памяти представляется весьма опосредованной: всё же политика устремлена к будущему, а память обращена к прошлому. Именно поэтому сегодня первая, как правило, довольно агрессивно программирует вторую.

Д.И. Наумов вычленяет несколько аспектов анализа влияния коллективной памяти на процесс складывания национальной идентичности. При этом акцентируется высокая степень динамики рассматриваемых социокультурных феноменов, свойственная современной эпохе. В отношении к коллективной памяти это означает, что последняя представляет собой не столько набор устойчивых и статичных картин (образов) прошлого, сколько многоуровневый и противоречивый процесс осмысления и переосмысления былого, перманентного переформатирования достопамятного и забытого...

Философии вообще не свойственно описывать или объяснять какие-либо конкретные явления. Философские учения способны лишь сформировать мировоззренческие и методологические основания для таких описаний и объяснений, которыми занимаются конкретные науки. Рецензент заметил, что довольно необычным является то, что цель работы сформулирована в последней

трети статьи. Обращено внимание на факт, что активно утверждающаяся цифровая эра открывает невиданные возможности в манипулировании массовым сознанием вообще и управлении коллективной памятью в частности. Рецензент отдает должное автору статьи, удержавшемуся от соблазнов одиозных оценок и в представлении столь расходящихся методологических подходов сохранившему нейтралитет.

И, как всегда, приглашаем к научно-просветительской деятельности всех исследователей, кому близка тематика журнала.

Редакция научного журнала

«Теология. Философия. Право / Theology. Philosophy. Law»

УДК [94+27](476)

ГРНТИ 03.17

**СЛУЖЕНИЕ МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА (ВАХРОМЕЕВА) КАК
ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В
БЕЛАРУСИ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА**

Воробьёв Павел Анатольевич

Белорусский государственный университет

Магистр исторических наук

Республика Беларусь, г. Минск

wmd2013@mail.ru

**SERVICE OF METROPOLITAN FILARET (VAKHROMEEV) AS A
REFLECTION OF THE HISTORY OF THE RUSSIAN ORTHODOX
CHURCH IN BELARUS OF THE LAST QUARTER OF THE XX CENTURY**

Pavel A. Vorobyev

Belarusian state University

Master of historical sciences

Republic of Belarus, Minsk

wmd2013@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена деятельности митрополита Филарета (Вахромеева), главы Русской Православной Церкви в Беларуси в 1978-2013 гг., направленной на возрождение церковно-приходской жизни белорусского народа в последней четверти XX века. В статье рассмотрены основные вехи в жизни архиерея, его личный вклад в укрепление всемирного миротворческого движения и межконфессионального мира в Беларуси, восстановление белорусской системы православного образования, развитие диалога между церковным и светским сообществами.

ABSTRACT

The article is devoted to the activity of Metropolitan Filaret (Vakhromeev), the head of the Russian Orthodox Church in Belarus in 1978-2013, aimed at the revival of the parish life of the Belarusian people in the last quarter of the XX century. The article deals with the main milestones in the life of the Bishop, his personal contribution to the strengthening of the world peace movement and inter-confessional peace in Belarus, the restoration of the Belarusian system of Orthodox education, the development of dialogue between the Church and secular communities.

Ключевые слова: митрополит Филарет (Вахромеев); Русская Православная Церковь в Беларуси; Белорусский Экзархат Московского Патриархата; межконфессиональная толерантность.

Key words: Metropolitan Filaret (Vahromeev); the Russian Orthodox Church in Belarus; the Belarusian Exarchate of the Moscow Patriarchate; inter-confessional tolerance.

Вопрос о вкладе харизматичных личностей в историю человечества всегда волновал историков. Вспомним хотя бы «Жизнь 12 цезарей» Светония. Одни историки видят главную движущую силу исторического процесса в попытках человека удовлетворить свои экономические требования, другие – в достижении политической власти и ее удержании, третьи – в конкретных личностях, «перевернувших мир» и т. д.

Даже главный принцип воспитания состоит в том, что детей убеждают не высокопарные слова взрослых о том, что можно, а чего нельзя, а личный пример своих наставников. Данный принцип применим и к современному белорусскому обществу, которое невольно наблюдает за тем, в какой мере православная церковь, проповедующая любовь, радость, смирение и нестяжательство, следует евангельским предписаниям.

В этом отношении для нас весьма интересна личность Почетного Экзарха всея Беларуси митрополита Филарета (Вахромеева), что составляет **объект нашего исследования**. Интерес обусловлен тем, что в этом человеке, его деятельности сосредоточились и получили практическое применение идеи о значительном влиянии харизматичной персоны на жизнь общества, о действенности выше указанного принципа воспитания через личный пример, о

возможности и важности слова подкреплять делом. Феномен личности митрополита Филарета можно выразить краткой фразой: «Из потомственных российских дворян, коренной москвич, духовный авторитет среди белорусских священников и мирян, Герой Беларуси».

Историографическое внимание к его личности отражают посвященные ему библиографический справочник (1997 г.), книги «В послушании преданный» (2003 г.) и «Жизнь на пути правды (Митрополит Филарет из рода Вахромеевых)» (2010 г.). Статья А. Курьяновича (2011 г.) посвящена деятельности митрополита Филарета в качестве депутата Верховного Совета Республики Беларусь XII созыва и т. д.

Несомненно, углубленное исследование деятельности главы Русской Православной Церкви в Беларуси в период 1978-2000 гг. позволяет нам лучше понять новейшую историю церкви и белорусского государства.

Кирилл (при монашеском постриге – Филарет) Варфоломеевич Вахромеев родился 21 марта 1935 г. в Москве. Воспитывался в семье верующих-интеллигентов. Отец, Варфоломей Александрович, был родом из Ярославских потомственных дворян Вахромеевых. Его отец, мать Александра Федоровна и старшая сестра Ольга – все они связали свою жизнь с преподаванием музыки. В 1953 г. он окончил среднюю школу и параллельно хоровое отделение музыкальной школы, директором которой был его отец.

Затем он поступил в Московскую духовную семинарию (МДС). Практически в течение всего времени обучения в ней Кирилл Вахромеев выполнял обязанности иподиакона при Патриархе Московском и всея Руси Алексии I (Симанском), который, несмотря на запрет советского руководства принимать в духовные школы представителей столичной интеллигенции, помог ему поступить в семинарию. Спустя четыре года, завершив обучение в семинарии, он продолжил свое духовное образование в Московской духовной академии (МДА).

Определяющим событием для него стало принятие монашества с именем Филарет, состоявшееся 3 апреля 1959 г. Вскоре монах Филарет был рукоположен

в иеродиакона. В 1961 г. он окончил академию со степенью кандидата богословия и был рукоположен в сан иеромонаха, а 4 августа 1963 г. – в сан игумена. Будучи уже в сане архимандрита 17 октября 1963 г. он вступил в должность секретаря Комиссии Священного Синода Русской Православной Церкви (РПЦ) по вопросам христианского единства. В связи с фактом нового назначения считаем важным отметить, что еще по окончании академии иеродиакон Филарет был оставлен при ней в качестве профессорского стипендиата с поручением чтения лекций на III курсе по истории и разбору западных исповеданий.

Согласно постановлению Священного Синода от 8 октября 1965 г., архимандрит Филарет был назначен епископом Тихвинским, викарием Ленинградской епархии с последующей хиротонией в сан епископа.

Весной 1966 г. епископ Филарет стал ректором (до этого был ее инспектором) Московских духовных академии и семинарии (МДАиС) с новым титулом епископа Дмитровского, викария Московской епархии. 18 апреля 1973 г. архиепископ (в чине с 1971 г.) Филарет был назначен архиепископом Берлинским и Среднеевропейским, Патриаршим Экзархом Средней Европы.

В 1975 г. был возведен в сан митрополита. Особенно важным для нас как исследователей является решение Священного Синода от 29 сентября 1978 г. о его переводе в Минско-Белорусскую епархию – единственную на тот момент православную епархию в БССР. К тому же на него были возложены обязанности Патриаршего Экзарха Западной Европы.

Перед митрополитом Филаретом стояла сложная задача налаживания церковной жизни в Беларуси в условиях общего тяжелого положения Русской Православной Церкви в СССР. В 1978 г. на территории БССР насчитывалось всего лишь 369 православных приходов, действовал только один Жировичский Свято-Успенский мужской монастырь, в котором вынужденно проживали и монахини, перебравшиеся туда после закрытия в республике всех женских обителей.

М. Егоров, вспоминая о советских реалиях, отметил, что с церковью ни государственные, ни общественные организации практически не сотрудничали, а единственной организацией в Беларуси, которая сотрудничала с ней, был Белорусский фонд мира [8, 52]. И сам митрополит Филарет признает, что «в 1980-е гг. у церкви и государства была, наверное, единственная точка совпадения интересов – миротворческое движение» [цит. по: 11, 388].

Благодаря активности нового архиерея наблюдалось увеличение числа семинаристов – выходцев из Беларуси – в духовных школах за пределами БССР: в Ленинграде, Москве и Одессе. Митрополит Филарет в обход негласных запретов со стороны властей подписывал рекомендации на поступление. Минская духовная семинария была закрыта еще в 1963 г.

В целом, власти всячески ограничивали участие детей и молодежи в церковной жизни, в том числе в богослужениях. Нынешний архиепископ Гродненский и Волковысский Артемий (Кищенко) вспоминает, что до момента назначения митрополита Филарета в Беларусь механизм «отлучения» от храма молодежи был примитивно прост: (по распоряжению государственных и партийных служащих – П. В.) молодежь прогоняли церковные работники [8, 144]. С назначением Филарета началось омоложение состава мирян и клира, возобновлялось общение между священником и несовершеннолетними.

Чиновниками находились разные причины, чтобы епископ не приезжал на далекий сельский приход и не поднимал религиозный дух населения, из-за чего митрополиту Филарету приходилось убеждать Председателя Совета по делам религий, что никаких контрреволюционных действий с его стороны не будет [8, 280].

Экс-уполномоченный Совета по делам религий по Минску и Минской области (1976-1985 гг.) И. Плахотнюк в своих мемуарах пишет, что с первых дней служения митрополита Филарета в Беларуси вряд ли у кого из высокопоставленных лиц возникала мысль посоветовать ему штатский костюм при посещении присутственных мест, что практиковалось ранее [8, 298]. Это подтверждают слова протоиерея Феодора Повного, тогдашнего иподиакона при

митрополите Филарете: «Владыка надевал гражданский костюм лишь тогда, когда отправлялся на прием к врачу» [8, 302].

По примеру своего наставника – митрополита Ленинградского Никодима (Ротова) – он проявлял широкую активность в экуменическом и миротворческом движениях. Его международный авторитет способствовал ослаблению государственного давления на церковь [8, 6]. Только за один 1979 г. Беларусь посетили 23 иностранных делегаций. Властям нужно было показать советскую действительность в лучшем свете, продемонстрировать «реальность» свободы слова и вероисповедания в СССР.

14 апреля 1981 г. митрополит Филарет был назначен Председателем Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата (ОВЦС МП) и постоянным членом Священного Синода. Председательство в Отделе содействовало налаживанию не только межцерковных связей Русской Православной Церкви, но и личных, плодотворных для Минско-Белорусской епархии контактов.

К слову, миротворческая деятельность минского митрополита была признана советским государством: 22 мая 1981 г. он был награжден Почетной медалью Советского фонда мира «за заслуги перед Движением в деле укрепления мира между народами». Он также стал главным организатором и председателем всемирной конференции под общим названием «Религиозные деятели за спасение священного дара жизни от ядерной катастрофы», которая проходила с 10 по 14 мая 1982 г. в Москве и собрала 600 представителей разных религий из 90 стран мира.

После того как в 1983 г. в Советском комитете защиты мира была создана общественная Комиссия по связям с религиозными кругами миротворцев, ее председателем единодушно избрали митрополита Филарета.

Отметим, что из воспоминаний народного художника СССР М. Савицкого также следует, что архиерей материально поддержал белорусское общество «Радзіма», которое занималось связями (преимущественно культурными) с эмигрировавшими соотечественниками. В свою очередь, при поддержке М.

Савицкого удалось добиться разрешения властей на строительство нового здания Минского епархиального управления, завершённое в 1985 г

Дело в том, что накануне приезда в Беларусь митрополита Филарета местные власти снесли архиерейский (как его называли) домик возле Дома Правительства, из-за чего главе Минско-Белорусской епархии приходилось проживать и работать в деревянном доме на Долгиновском тракте.

Важно отметить, что после проведения в 1986 г. XXVII съезда ЦК КПСС, принявшего новую программу партии, в которой говорилось о распространении научно-атеистического мировоззрения и религия отнесена к области патологических отклонений, ее Генеральный секретарь М. Горбачев впоследствии все-таки стал избегать со своей стороны прямых выпадов против веры [15, 385].

В 1988 г. митрополит Филарет был включен в Избирательную комиссию по выборам народных депутатов СССР от Советского Комитета защиты мира и от Ассоциации содействия ООН в СССР. Тогда же состоялся чуть ли не первый в советской Беларуси контакт церкви со светскими учеными посредством проходившей в Минском епархиальном управлении церковно-исторической конференции. По мнению Г. Шейкина, именно «благодаря Владыке Филарету церковно-исторические исследования в Беларуси сдвинулись с мертвой точки» [8, 118].

В условиях начавшейся в СССР политики «перестройки», составной частью которой стал принцип гласности, в 1988 г. православные священнослужители получили доступ к СМИ, их стали приглашать для проведения встреч с общественностью и для участия в различных форумах и беседах. Такой поворот связан, в первую очередь, с широким празднованием 1000-летия Крещения Руси, получившим мировой резонанс.

Знаменательным событием в жизни Русской Православной Церкви в Беларуси стало учреждение в 1989 г. Белорусского Экзархата Московского Патриархата (второе название – Белорусская Православная Церковь), наделенного определенной самостоятельностью [2, 12]. Новую церковно-

административную единицу (включавшую на тот момент Минскую, Полоцкую, Пинскую и Могилевскую епархии) возглавил митрополит Филарет, получивший титул «митрополита Минского и Гродненского, Патриаршего Экзарха всея Беларуси» [4, 33].

В связи с новым назначением было удовлетворено прошение митрополита Филарета об освобождении его от должности Председателя ОВЦС. Ведь из-за частых поездок из Минска в Москву не хватало времени на управление Экзархатом и даже на сон. При этом за ним сохранялось место постоянного члена Священного Синода, но уже в качестве главы Белорусского Экзархата [5, 4].

По вопросу образования Белорусского Экзархата сам митрополит Филарет, инициатор идеи создания, дал в 1991 г. следующую оценку: «С этого момента в истории Православной Церкви в Беларуси впервые появляется институт Экзархата. Это не формальный акт: его проявление – это ответ на злобу дня, ибо статус Экзархата предоставляет Белорусской Православной Церкви более самостоятельный образ действий» [1, 6].

Тем временем Экзархат разрастался: к началу 1991 г. в Беларуси насчитывалось уже около 660 православных приходов, что на 291 приход больше в сравнении с майским показателем 1988 г. Увеличивалось число епархий и епископов. Так, в июне 1989 г. были учреждены епархии в Полоцке, Могилеве и Пинске, в январе 1990 г. появились таковые в Гомеле и Бресте, в феврале 1992 г. – в Новогрудке и Гродно (титул митрополита Филарета изменился на «митрополита Минского и Слуцкого»), а в мае 1992 г. – в Турове и Витебске.

Осенью 1989 г. в стенах Жировичского монастыря возобновила свою деятельность Минская духовная семинария (МинДС), первый курс которой составили 42 студента [3, 12]. О необходимости открытия в Беларуси семинарии говорилось в докладе председателя Учебного комитета архиепископа Дмитровского Александра (Тимофеева) еще в 1988 г. До этого, несмотря на отсутствие духовной семинарии в Беларуси, проблема повышения образовательного уровня духовенства частично решалась посредством организации при Жировичском монастыре ежегодных образовательных курсов.

Интересен тот факт, что около 600 книг из личной библиотеки для семинарии пожертвовал сам митрополит Филарет. В том числе, был передан экземпляр одной из первых печатных книг на землях Восточной Европы – «Апостола», изданного в Москве в 1564 г. И. Федоровым и уроженцем Беларуси П. Мстиславцем.

В том же 1989 г. была образована Библейская Комиссия Белорусского Экзархата. По распоряжению митрополита Филарета началась работа по церковному переводу на белорусский язык Нового Завета, главной целью которого являлось соборное вырабатывание литургического стиля белорусского языка. Член Библейской Комиссии Т. Матрунчик поясняет это также тем, что «поскольку сегодня невозможно обеспечить изучение церковно-славянского языка как элемента в нашей системе образования, то существование переводов – действенное средство для постижения современным сознанием глубины православного богослужения» [8, 135].

9 мая 1990 г. митрополит Филарет вошел в состав Синодальной Библейской Комиссии Русской Православной Церкви, а 16 июля вступил в должность Председателя Комиссии Священного Синода по содействию усилиям в преодолении последствий аварии на Чернобыльской АЭС 1986 г. Он не побоялся сказать общественности обо всей трагичности последствий взрыва, что тогда замалчивалось.

Относительно вопроса межконфессионального мира в Беларуси показательны воспоминания католического кардинала Казимира Свѣнтэка. Поздравляя его с назначением на должность митрополита Минского и Могилевского, Филарет вручил католическому архиерею икону св. Николая Чудотворца, которого почитают верующие обеих конфессий, и пожелал: «Пусть общее почитание святого Николая послужит символом нашего будущего единства [в данном случае говорится о единстве усилий, а не про объединение конфессий – П. В.]. И да поможет нам в этом Господь» [8, 75].

В период с 1990 по 1995 гг. митрополит Филарет являлся депутатом Верховного Совета БССР (Республики Беларусь) 12-го созыва, где возглавлял временную комиссию по вопросам депутатской этики.

Уникальным событием в истории отечественной церкви стал первый визит Патриарха Московского и всея Руси на белорусские земли, который состоялся в июне 1991 г. Алексей II (Ридигер) посетил районы, наиболее пострадавшие от ядерной катастрофы на Чернобыльской АЭС. Патриаршие визиты с тех пор стали регулярным явлением.

В 1993 г. Патриарший Экзарх всея Беларуси возглавил Синодальную Богословскую Комиссию Священного Синода, которая ранее называлась Комиссией по вопросам христианского единства. По мнению митрополита Филарета, «большинство проблем, возникающих сегодня в жизни и служении Православной Церкви, имеют богословский характер» [цит. по: 8, 43].

В 1994 г. митрополит Филарет был признан человеком года Беларуси. Тогда же был осуществлен первый выпуск студентов, которые прошли 5-летнюю программу обучения в семинарии. МинДС с тех пор обеспечивала высшее, а не среднее богословское образование. К слову, в духовных семинариях Москвы и Санкт-Петербурга первый такой выпуск был осуществлен только в 2002/2003 учебном году. В 1996 г. на базе семинарии была открыта Минская Духовная Академия (МинДА), чья учебная программа предусматривает трехлетнее обучение с присвоением ее выпускникам степени кандидата богословия.

1 октября 1993 г. в Минске был открыт факультет теологии им. свв. Мефодия и Кирилла Европейского гуманитарного университета (ЕГУ), первым деканом которого стал митрополит Филарет. Учебный план факультета получил государственное признание, что в результате привело к регистрации специальности «теология» в официальном реестре Республики Беларусь.

В 1997 г. брестский художник-эмальер Н. Кузьмич завершил работы по изготовлению копии белорусской святыни – воздвизального Креста прп. Евфросинии Полоцкой – бесследно пропавшего в 1941 г. Митрополит Филарет для столь ответственного задания лично искал мастера.

Одним из плодов сотрудничества этих лет между государством и церковью стало учреждение в 1997 г. ежегодной премии «За духовное возрождение».

Начиная с сентября 1997 г. по благословению митрополита Филарета в Минском Свято-Петро-Павловском Соборе на белорусском языке регулярно стали совершаться молебны за белорусский народ с акафистом св. мч. Антонию, Иоанну и Евстафию Виленским, а с января 1999 г. – Божественная литургия.

Данные на 1998 г. показывают, что во многом благодаря усилиям митрополита Филарета в границах Белорусской Православной Церкви насчитывалось 5 мужских (79 насельников, из которых 43 монашествующих) и 7 женских (153 насельницы, из которых 92 монашествующих) монастырей, 13 православных братств и 21 сестричество. Систему духовного образования Экзархата составили академия, семинария, богословский факультет, Минское духовное училище, регентская школа, регентские курсы, школа катехизаторов, 2 детские иконописные школы, 200 воскресных школ. Сюда же относятся 9 церковных газет и 6 журналов, свечной завод, 2 свечных мастерских при храмах и одна по иконописи, а также мастерская резьбы по дереву, одна по чеканке и 2 по швейному делу (без учета монастырских мастерских) [19, 79-80].

Митрополит Киевский и всея Украины Владимир (Сабодан) в свое время высказался о служении митрополита Филарета в Беларуси следующим образом: «[Он] не устает напоминать своим современникам о том главнейшем принципе, на котором строится всякая человеческая жизнь: никакой внешний, даже самый справедливый порядок не сделает нас счастливыми, пока не будет порядка в нас самих, в нашем отношении к Богу и ближним» [8, 51].

Подводя к логическому концу наше повествование, мы предлагаем следующие **выводы**:

1) личность митрополита Филарета (Вахромеева) характеризуют такие слова, как добрый пастырь, богослов (одно из главных его произведений – «Богословие добрососедства») и философ (сам он убежден, что православное

богословие может развиваться только в тесной связи, в диалоге с философской мыслью);

2) митрополит Филарет – архиерей, пресекавший устоявшуюся традицию полного подчинения церкви руководству БССР;

3) он стал главным организатором современной белорусской системы православного богословского образования, сам долгое время преподавал в семинарии, его лекции пользовались огромным спросом;

4) митрополит Филарет – глава Белорусской Православной Церкви Московского Патриархата, сохранивший каноническое единство с Русской Православной Церковью и добившийся особой поддержки по отношению к Белорусскому Экзархату со стороны руководства Республики Беларусь.

Митрополит Филарет вначале XXI в. дал личную оценку предыдущим годам своего служения в Беларуси: «Главным же достоянием прошедших лет считаю сохранение как внутрицерковного мира и единства, так и межконфессионального мира и взаимопонимания» [8, 290]. Во многом благодаря мудрым решениям архиерея на белорусских землях не совершился внутрицерковный раскол, какой случился в Украине в связи с провозглашением Киевского Патриархата, и не разразился межконфессиональный конфликт, который существует между украинскими униатами и православными.

Список литературы

1. Вестник Белорусского Экзархата (ВБЭ). – 1/1992. – № 8.
2. Определения Архиерейского Собора Русской Православной Церкви (РПЦ) от 9-11 октября 1989 г. // Журнал Московской Патриархии (ЖМП). – 1990. – № 1.
3. Постановления Священного Синода РПЦ от 10-11 апреля 1989 г. // ЖМП. – 1989. – № 7.
4. Постановления Священного Синода РПЦ от 16 октября 1989 г. // ЖМП. – 1990. – № 1.

5. Постановления Священного Синода РПЦ от 13 ноября 1989 г. // ЖМП. – 1990. – № 2.
6. Постановления Синода БПЦ от 5 ноября 1990 г. // ВБЭ. – 1/1991. – № 6.
7. Постановления Синода БПЦ от 21 апреля 1991 г. // ВБЭ. – 1/1992. – № 8.
8. В послушании преданный. К 25-летию архипастырского служения на Белорусской земле Высокопреосвященнейшего Филарета, митрополита Минского и Слуцкого, Патриаршего Экзарха всея Беларуси (1978–2003). – УП «Минская фабрика цветной печати». – 2003.
9. Грыгор’ева, В. В. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.) / В. Грыгор’ева, У. М. Завальнюк, У. І. Навіцкі, А. М. Філатава; Навук. рэд. У. І. Навіцкі. – Мн.: ВП «Экаперспектыва», 1998. – 340 с.
10. Корзун, М. С. Участие Русской и Белорусской (Экзархата Московской Патриархии) православных церквей в движении сторонников мира в 1970-х гг. – начале XXI в. // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 6 / редкол.: А. П. Сальков, О. Я. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. – Минск: БГУ, 2011. – 399 с.
11. Король, В. Л. Миротворческая деятельность РПЦ в Беларуси в 1970-1980-е гг. // Христианство в Беларуси: история и современность: сб. научных ст. / редкол.: А. А. Коваленя [и др.] – Минск: Беларуская навука, 2014. – 494 с.
12. Кривонос, Ф., иер. Белорусская Православная Церковь в XX столетии: спецкурс лекций для Минской Духовной Семинарии. – Минск: Врата, 2008. – 255 с.
13. Курьянович, А. Митрополит Филарет – депутат Верховного Совета Беларуси XII созыва // Религия и общество – 6: сб. науч. статей / под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. – Могилев: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2011. – С. 47-48.

14. Митрохин, Н. А. Русская Православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. Изд. 2-е, испр., доп. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 656 с.
15. Поспеловский, Д. В. Русская православная церковь в XX веке. – М.: Республика, 1995. – 511 с.
16. Цыпин, В., прот. История Русской Православной Церкви, 1917-1990. – Москва. Московская Патриархия. Изд. дом «Хроника», 1994. – 253 с.
17. Свидерский, Е., иер. Православная Церковь в Белоруссии в период с 1978 по 2006 гг.: дипломная работа. – Жировичи: МинДС, 2008. – 130 с.
18. Семьдесят лет митрополиту Филарета / Студенческий журнал «Ступени». – Жировичи: Минская духовная академия и семинария. – Спецвыпуск. – 2005.
19. Хорошко, Д., иер. Белорусский Экзархат Московского Патриархата: дипломная работа. – Жировичи: МинДС, 1998. – 84 с.
20. Беларусь. Религия. // Православная энциклопедия. Том IV (Афанасий – бессмертие) / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. – Москва. Церковно-научный центр РПЦ «Православная энциклопедия».

**ПРАВОСЛАВНАЯ МИССИЯ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ:
ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРИНЦИПЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ**

Трудов Павел Владимирович

Юрист, выпускник

Центра подготовки церковных специалистов

Владивостокской Епархии Русской Православной Церкви

Россия, г. Владивосток

pv.trudov@gmail.com

Научный руководитель

Гордеев Денис Владимирович,

старший преподаватель

департамента философии и религиоведения

Дальневосточного федерального университета

Россия, г. Владивосток

SPIN-код РИИЦ: 6377-3227

dionisiy@mail.ru

**ORTHODOX MISSION IN PLACES OF DETENTION OF FREEDOM:
KEY CHALLENGES AND PRINCIPLES OF IMPLEMENTATION**

Pavel V. Trudov

Postgraduate program

in Church Training Center Vladivostok Diocese

of the Russian Orthodox Church

Research supervisor

Denis V. Gordeev

Senior Lecturer Department of Philosophy and Religious Studies

Far Eastern Federal University

Russia, Vladivostok

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена практическим вопросам осуществления православной миссии в местах лишения свободы. Автор выявляет религиозные проблемы осужденных, характеризует среду нахождения заключенных и дает рекомендации по работе с ними. Кроме этого, в статье рассматриваются принципы, которые имеют практическое значение для миссионеров и работников правоохранительных органов. В конце работы исследователь делает выводы о необходимости восполнить новым содержанием субкультуру заключенных.

ABSTRACT

The article is devoted to practical issues of the implementation of the Orthodox mission in prisons. The author reveals the religious problems of convicts, characterizes the environment of the prisoners and gives recommendations on working with them. In addition, the article discusses principles that are of practical importance to missionaries and law enforcement officials. At the end of the work, the researcher draws conclusions about the need to replenish the prisoners' subculture with new content.

Ключевые слова: тюрьма; миссия; Церковь; Православие; заключённые; служение; методология; церковное право; право; закон; пенитенциарная система .

Key words: prison; mission; Church; Orthodoxy; prisoners; service; methodology; canon law; right; law; penitentiary system.

На протяжении многих веков христианская Церковь осуществляет духовное попечение о «страждущих в узах». Тюремное душепопечение, служение ближним является Богоустановленным актом. Можно с уверенностью сказать, что основанная на евангельских словах Спасителя «*в темнице был и вы пришли ко Мне*» (Мф. 25:36) миссия Церкви имела место со времен своего основания. «*Помните узников как бы и вы с ними были в узах, и страждущих*» (Евр.13.3), – говорит апостол Павел.

Осужденный, оступившийся человек остается один на один с беспощадным тюремным миром, который становится для него постулатом ненависти. Служение священника с заключенными непосредственно связано с тем, что он не просто соприкасается, а буквально сталкивается с чуждым для него и для любого обычного человека миром – враждебным, недоверчивым,

отгороженным стенами, засовами, решетками и колючей проволокой от самой жизни. Посещая заключенных, помогая и служа им, просвещая их, священник совершает дела милосердия, а значит, совершает главное дело каждого человека – дело спасения собственной души. В этом контексте материальное попечение о заключенных не может рассматриваться как самоцель, это лишь одно из средств, форм миссии Церкви в местах лишения свободы.

Вся богослужбная деятельность в местах лишения свободы так или иначе связана с общиной верующих. А тюремная община состоит из заключенных – людей, преступивших закон. Ожидать от них радостного энтузиазма, что в «дом воров и бродяг» приходит Церковь, призывающая их к покаянию, не приходится.

Также стоит отметить, что в колониях с более строгим режимом и там, где содержатся преступники-рецидивисты, количество воцерковленных и постоянных прихожан из заключенных больше, чем в исправительных учреждениях с более мягким режимом и содержанием лиц, впервые совершивших преступление.

Основные проблемы, как нами отмечено выше, связаны с особенностями общины верующих-заключенных. Каковы же эти особенности?

- Религиозный индифферентизм, наиболее распространённый в настроении арестантов. Выражается в полном безразличии заключенного к отдельным положениям религии. Среди иных побудительных причин религиозного индифферентизма нельзя исключать то, что в данных условиях пребывания людей в заключении он является одной из протестных форм свободомыслия, исповедования независимости. Рефлекторное отвержение всего того, что даже только потенциально может покушаться на последний оплот их свободы – личное мировоззрение. Отсюда же, кстати, стойкое неприятие в тюремной среде именованья «раб Божий».

- Идеологизация веры. Этот образ мыслей заключенных наиболее близко стоит к религиозному индифферентизму и, как бы это не показалось парадоксально, является его логическим завершением, так как зачастую за полным религиозным равнодушием стоит активная атеистическая позиция.

Начинается она с настороженно-подозрительного отношения к религии как к идеологии, обслуживающей сильных мира сего. Далее - явное и скрытое возмущение существующими порядками, оспаривание и отрицание всех общественных институтов власти в целом [5]. В отношении преступников государство уже вынесло свой приговор, оградив «их» от «себя», исключив из общности свободных граждан.

В условиях ограничения свободы происходит предсказуемая реакция психологической дихотомии – противопоставлении на «мы» и «они», «свои» и «чужие». В рамках тюремной микроформации как контркультуры протест проявляется совместными действиями заключенных, объединённых общими интересами и направленный против власти или ее представителей. В данном контексте под государством подразумевается администрация исправительного учреждения, а ее представители – это Русская Православная Церковь. Религиозный филетизм, то наивно упрощенное восприятие православия, когда оно понимается как исторически сложившаяся этнокультура России в ее неразрывной исторической связи Церкви с народом. Это вполне естественное (как и в свободном гражданском обществе) характерное народное отождествление в массовом сознании религиозного и национального. Лишь небольшая часть заключенных осмысляет Православную веру в таком ключе. Но даже на этом фоне очень часто проявляется религиозный синкретизм, понимаемый в смысле «религиозной всеядности»: размываются существенные отличия и границы между Православием и иными христианскими деноминациями. Или, что еще хуже, не осознаются категорические различия и несходство между христианством и другими религиями.

Общество заключенных – это обособленный закрытый мир, находящийся в криминальной среде, в преступном окружении. Соответственно, в подавляющем своем большинстве заключенные являются носителями весьма определенного этикета, ценностей и убеждений [7]. У них специфическая деформированная система образов и представлений, существующая во всех

пенитенциарных учреждениях, что выражается в арестантской среде одним емким словом – «понятия».

Соответственно, в целях эффективности тюремного служения священнослужителю требуется не только знать эти факторы, хорошо ориентироваться в них, но и учитывать и использовать при необходимости.

Другой, достаточно значимой проблемой, о которой должен знать церковный священник, является наличие определенных каст в среде заключенных и проявление серьезного субординационного характера отношений между этими кастами. Наиболее низшей кастой является каста так называемых «обиженных».

Выделим основные принципы и правила осуществления миссионерской деятельности в местах лишения свободы:

1. Священнослужитель должен быть зрелый годами – желательно после 30 лет, и у него должна быть борода [4]. Конечно, учитывать это аспект необходимо не столько самому священнику, сколько архиерею, назначающему его на должность.

2. Священнослужитель, получивший предписание правящего архиерея о несении послушания в качестве тюремного священнослужителя, должен встретиться с начальником исправительного учреждения и лично вручить ему указ о назначении. Вполне естественно, что для плодотворно тюремной миссии необходимо сотрудничество обеих сфер деятельности, как духовной, так и уголовно-исполнительной – в лице их первых и непосредственных представителей. Добрые, деловые, дружеские отношения с администрацией мест лишения свободы – это залог хорошего начала, развития и продолжения тюремной миссии.

3. Следующее правило, которым должен руководствоваться священник, можно сформулировать так: «Свой среди чужих, чужой среди своих». Всем известно противостояние администрации тюрем (колоний) и осужденных. Священнику принципиально важно позиционировать себя, что он не является представителем исправительного учреждения, сотрудничающим с

администрацией и помогающим ей в оперативной работе по профилактике и раскрытию преступлений. Но священник также не делегируется из среды заключенных как выразитель их интересов и нужд.

Свое служение священник должен нести в простоте и честности – не уклоняясь ни «вправо», ни «влево». В продолжение и подтверждение сказанному приведем слова епископа Красногорского Иринарха. Он отмечает, несомненно, еще одну важную границу тюремного служения: «Слово священнослужителя одинаково обращено и к заключенным, и к сотрудникам системы исполнения наказаний. Священник имеет право высказать свой христианский морально-этический взгляд на события, происходящие в местах лишения свободы, но в силу своего положения не может принимать участие не только в каких-либо протестах (и, тем более, бунтах) со стороны осужденных, но и в силовых воздействиях на эти протесты со стороны административного корпуса учреждения УИС» [3].

4. Приход заключенных на службу или какое-либо мероприятие, организованное священником, не должен сопровождаться насильственным сбором осужденных, а быть сугубо полностью добровольным.

5. Священнику нужно помнить, что он на чужой территории. Или выражаясь иначе – на чуждой.

6. Священник должен четко и трезво видеть расстановку сил и предоставленных ему возможностей. Необходимо ясно осознавать, что он не может спасти всех. Бремя спасения всех – это миссия Господа. Он же только соратник Господу, в том, чтобы нести Слово Божие. Правда в том, что Церковь зовет всех, но откликается малая часть «...ибо много званых, а мало избранных» (Мф. 22:14). Тюремное служение – это попытка «выкупа» сравнительно малой части «избранных» из всех тех «званых», но добровольно «проданных в рабство» диаволу. Причем действовать приходится на его территории и по его правилам. Но даже и это «малое стадо» при неумелом служении можно растерять.

7. «У вас не будет шанса произвести первое впечатление»: на священнослужителя, впервые пришедшего в колонию, практически сразу будут

смотреть испытывающе как осужденные, так и работники ИТУ. Необходимо выработать и усвоить определенный коммуникативный и поведенческий дискурс. Когда священник переступает порог тюрьмы или колонии, у него должна быть не шаркающая, а неторопливая и твердая походка. Заминки, неуверенность, испуганное бегание глазами не приветствуются. У священника должна быть спокойная, обдуманная, четкая речь и поведение, но без напряженности. В словах и действиях священнослужителя неприемлемо заискивание, «елейность», напускная «духовность», «извинительно-стеснительная» робость и смирение. Что нравится прихожанам на приходе, в колонии будет выглядеть как слабость и нелепость. В тюрьме (колонии), по определению, ценят и уважают силу. Не столько физическую, но более всего силу духа. И эта сила у тюремного священника должна быть.

8. Но тем более неуместна в священниках надменность и превозношение. Священник, служащий на постоянной и регулярной основе в колонии, воспринимается (в первую очередь приходской общиной) как своего рода «лидер религиозной группировки», отвечающий за сферу своей деятельности. Соответственно, и его поведение должно соответствовать его формальному статусу.

9. Подавляющее большинство преступников по внешней форме к священнослужителю относится вполне терпимо и вежливо. Но не исключены редкие эксцессы, грубые словесные выпады в сторону священника. Кому-то из заключенных от цинизма и злобы может вдруг захотеться уязвить священника. В этом выпаде скрыт посыл, послание: «Не трус ли ты?». На эти эксцессы принципиально и обязательно нужно реагировать. В тюремной среде, если ты не ответил хаму, значит, ты трус. Нельзя сделать вид, что не заметил, прошел мимо. Но отвечать надо правильно, при присутствующих очевидцах и сообразно формату возникшего разговора. Все время нахождения священника на режимной территории обязательно присутствие с ним одного или двух братьев из общины.

10. Необходимо знать – ни понимать, ни искать, а именно изначально знать духовные запросы собеседника (или их отсутствие) и, соответственно, быть

готовым к ним. Поэтому нужна постоянная обратная связь с арестантами (особенно на первых порах), с членами тюремно-приходской общины. Не стесняться интересоваться о том, чем живет сообщество заключенных, но без лишнего нервного любопытства.

11. Тюремный священник должен четко идентифицировать незнакомого собеседника из общей массы заключенных и идентифицировать его статус.

12. Далее, исходя из социального статуса, культурного и образовательного уровня собеседника (или группы) и сути возникшего предмета разговора, уметь сориентироваться таким образом, чтобы использовать приоритетный на данный момент язык коммуникации.

13. Пример личной благочестивой жизни: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего небесного» (Мф. 5:16). Слова священника не должны расходиться с его же собственными делами.

14. Существует инструкция о порядке пребывания гражданских лиц в колонии. Священник должен быть ознакомлен с этим и иными нормативными документами, регламентирующими его деятельность в исправительном учреждении как представителя религиозной организации.

15. Принципиально утвердить для себя в качестве правила абсолютный запрет передавать в колонию (тюрьму) вообще какие-либо вещи и продукты для заключенных от их родственников или друзей. Священнику необходимо знать перечень вещей и предметов, продуктов питания, которые осужденные не имеют право при себе иметь [2]. Но, в любом случае, вообще от всех третьих лиц с воли, даже лично знакомых, не принимать никакие предметы для передачи в тюрьму.

Поэтому с начала своего служения священник должен принципиально избегать каких-либо самых невинных «передачек», *«чтобы не дать повода ищущим повода»* (2 Кор.11:12). Лучший способ – это лично приобрести разрешенные предметы, предварительно согласовав пронос с администрацией. Конечно, родственники должны оплатить эти предметы, но покупать их священник должен сам, без их участия.

16. Заключение очень строго относится к нечестности и необязательности. Но надо отметить, это взаимные требования – обязательность держать сказанное слово, чтобы оно не расходилось с делом. Необходимо взвешенно подходить к тому, что священник говорит, что заявляет, кому что обещает. Тюремный мир в слове видит силу большую, чем физическую, но и требует к этому относиться к этому «ответственно». Священник, если что-то обещает, должен это выполнить, или не обещать совсем.

17. Не терять чувство реальности. Не навреди! Тюрма (колония) – не место для экспериментов. Необходимо иметь четкое представление для чего, для каких целей священник приходит в тюрьму. «Утопающему протяни не руку, а жезл» [6]. То есть, не нужно бездумно устремляться и бросаться спасать всех, должна быть правильно выбранная и последовательно исполняемая тактика, соблюдаться баланс необходимости и достаточности.

18. Необходимо предостеречь священнослужителей от возможной ревности, от неопитства, стремления ударить Евангельским словом в криминальный мир. Нужно четко понимать, что тот мир есть, был и будет! Он общество преступников, а не пионерлагерь.

19. Принципиально важно тюремному священнику избегать «романтизации» уголовного мира, расположенности и тесной связи с ним. Тюремный священник не должен стремиться постичь тюремный мир, стать «своим» в среде преступного мира, поскольку велика вероятность «потерять» себя как священника.

Заключение

При соблюдении вышеперечисленных правил миссионерская деятельность Русской Православной Церкви в лице ее отдельных представителей – священников – в пенитенциарных учреждениях может стать успешной.

Для достижения положительного успеха в пастырском окормлении заключенных богослужebная и вся прочая деятельность священнослужителя должны проходить в границах основных принципов:

- Желание жертвенно служить другому;

- Сострадательное и милующее сердце;
- Веру в исправление человека;
- Искренность, открытость, доброжелательность, внимательность;
- Житейский опыт;
- Достаточно хороший навык общения с людьми и уровень эрудиции.

Подлинное искусство тюремного служения в местах лишения свободы будет состоять в том, чтобы не принимать своеобразные тюремные субкультурные черты, но наполнять их новым содержанием.

Список литературы

1. Библия. – М.: Российское Библейское общество, 2008. – 928 с.
2. Приложение №1 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных приказом Минюста России от 16.12.2016 № 295. Перечень вещей и предметов, продуктов питания, которые осуждённым запрещается иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях либо приобретать [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fsin.su/For_families/perechen-veshchey-i-predmetov-produktov-pitaniya-kotorye-osuzhdennym-zapreshchaetsya-imet-pri-sebe-p/
3. Иринарх Красногорский, еп. Каждый заключённый имеет право на встречу с духовным лицом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3775717.html>
4. Каледа Глеб, прот. Остановитесь на путях ваших... Записки тюремного священника. – М.: Изд-во «Зачатьевский монастырь», 1995. – С. 35
5. Колбасина О. В. Молодежное протестное движение в США: вторая половина 1950-х – первая половина 1970-х годов: автореф. дис. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/molodezhnoe-protestnoe-dvizhenie-v-ssha-vtoraya-polovina-1950-kh-pervaya-polovina-1970-kh-go>
6. Нектарий (Морозов), игум. Отстраненное «благочестие», или Как помогать правильно [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://www.pravmir.ru/otstranennoe-blagochestie-ili-kak-pomogat-pravilno/>

7. Шутов В. Основы современной социологии: 15 фундаментальных законов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://literu.ru/shutov-v/osnovy-sovremennoy-sotsiologii/>

УДК: 167.7

ГРНТИ: 02.41.41

**КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ**

Наумов Дмитрий Иванович,

кандидат социологических наук, доцент,

заведующий кафедрой экономической социологии,

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск,

cedrus2014@mail.ru

**THE COLLECTIVE MEMORY AS A FACTOR OF NATIONAL IDENTITY:
A SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECT**

Dmitry I. Naumov,

candidate of social Sciences, associate Professor,

head of the Department of economic sociology,

Belarus State Economic University, Minsk

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается роль коллективной памяти в формировании национальной идентичности и сохранении культурно-исторической традиции, в функционировании политической системы современного общества.

ABSTRACT

The article considers the role of collective memory in the formation of national identity and the preservation of cultural and historical traditions, in the functioning of the political system of modern society.

Ключевые слова: коллективная память; национальная идентичность; политика.

Keywords: collective memory; national identity; politics.

В современном западном социально-философском дискурсе различные аспекты проблематики, связанной с междисциплинарными исследованиями коллективной памяти, которые обычно определяются общим термином «memory studies», разработаны такими исследователями, как М. Хальбвакс, Ф. Ариес, П. Рикер, Дж. Олик, Я. Ассман, А. Ассман, Д. Лоуэнталь, М. Ферро, П. Хаттон, И. Ирвин-Зарецка, П. Нора, Н. Хиер, Э. Хобсбаум и др. Необходимо отметить, что данная проблематика является популярным и активно развивающимся направлением научных исследований и на постсоветском пространстве, свидетельством чего являются соответствующие работы К.С. Гаджиева, Н.Е. Колосова, О.Ю. Малиновой, А.И. Миллера, Л.П. Репиной, Е.В. Романовской, И.М. Савельевой, А.В. Полетаева, В.А. Шнирельмана и др. Работы зарубежных и отечественных исследователей преимущественно сфокусированы на следующей проблематике: природа и факторы конструирования коллективной памяти; роль травмирующих событий всемирной истории новейшего времени (мировые войны, геноцид, техногенные катастрофы и т.д.), в формировании коллективной памяти; роль государственной политики памяти в формировании коллективной памяти сообщества; проблема соотношения коллективной памяти и современных националистических идеологий (или, согласно В.А. Шнирельману, идеологий этнической конфронтации); параметры влияния коллективных представлений о прошлом на поведение людей и т.д. Как можно заметить, в практике исследований постулируется политизированность как самой проблематики коллективной памяти, так и природы данного феномена, что вызывает определенный интерес к вопросу о соотношении коллективной памяти и политической идентификации гражданина современного государства с его дифференцированной институциональной системой.

Современная политическая система является совокупностью взаимодействий политических субъектов (как государственных, так и негосударственных институтов), функционально связанных с осуществлением

власти и управлением обществом. При этом они не только формулируют и воплощают в жизнь коллективные цели общества или составляющих его групп, но и в политико-культурном смысле обеспечивают определенную гомогенность политически организованного сообщества. В данном случае общий аксиологический базис выступает в качестве обязательного компонента процесса нормального функционирования политической системы. Однако его формирование является проблемой, т.к. ценности, традиции, мифологемы и нормы являются социокультурным продуктом, возникающим в ходе исторического развития сообщества в большей степени непреднамеренно, нежели в результате сознательного их конструирования различными акторами. Для современной политической системы исторически обусловленная нормативно-ценностная система общества создает пространство смыслов и значений, которое обуславливает конструирование общих динамичных рамок социальной реальности. И одним из важных факторов, характеризующих процесс конструирования и параметры функционирования нормативно-ценностной системы общества, является коллективная память.

Как представляется, комплексная характеристика феномена национальной идентичности является залогом для раскрытия всего спектра взаимосвязей политической системы (как в институциональном, так и в процессном аспектах) и коллективной памяти сообщества (как квинтэссенции общезначимых смыслов и аксиологических приоритетов). При этом необходимо учитывать амбивалентность коллективной памяти, которая одновременно выступает как в качестве фактора формирования и поддержания национальной идентичности, так и создания напряжения в политической системе. В данном случае это обеспечивается посредством генерирования конфликтогенных интерпретаций исторического прошлого, ставящих под сомнение в социально-психологическом плане принадлежность индивида к определенному этносу или нации. Соответственно, актуальность данной проблемы исследования определяется рядом теоретических вопросов, которые могут быть сформулированы следующим образом.

Во-первых, в гносеологическом аспекте представляет интерес вопрос о той роли, которую играет коллективная память в создании символического образа нации, в случае согласия с концепцией нации как воображаемого сообщества, разработанной Бенедиктом Андерсоном, и его поддержании в общественном сознании. Иначе данную проблему, если актуализировать идеи Роджерса Брубейкера о политике идентичности, можно сформулировать следующим образом: играет ли значимую роль коллективная память в конструировании государством или иными акторами политики идентичности посредством навязывания представителям какого-либо сообщества определенные когнитивные стереотипы о своей нации, стране и мире. При этом актуализируется проблема оценки конфликтогенного потенциала коллективной памяти, которая выступает как «активная способность человека, что мы видим по тому, как действенно она преобразует известные факты прошлого. Но память – не критическая или рефлексивная способность, и это становится абсолютно очевидным, когда различные «воспоминания» вступают друг с другом в противоречие (как тенденция это случается всякий раз, когда разные этнические группы – например, израильтяне и палестинцы, сербы и хорваты, боснийские сербы и боснийские мусульмане и т.д. – приводят различные «исторические» оправдания в пользу своего доминирования в регионе)» [2, 110].

Во-вторых, требует прояснения роль и место коллективной памяти в создании и поддержании символических демаркационных линий, разделяющих сообщество на различные группы. Ведь она в определенной степени обуславливает как классификационные схемы и способы интерпретации символических различий, так и критерии соответствия индивидов и сообществ эталонным и/или референтным группам (например, как в достаточно распространенных на постсоветском пространстве случаях применения дискриминационных практик в отношении людей, не принадлежащих к так называемой «титупной нации»). При этом надо учитывать релятивность и амбивалентность социальных норм, ценностей и символов в культуре современного социума. Это создает определенные трудности для сохранения и

трансляции как самих символических демаркационных линий, так и их детерминант. Так, на этот аспект достаточно определенно указывает В.А. Шнирельман: «Политические, экономические, демографические и другие процессы, меняющие положение данной этнической группы в контексте более широкой социополитической системы, перестройка политических союзов, сдвиги в оценках иноэтничных соседей и изменения в самооценках – все это прямо и непосредственно влияет на представление об окружающем мире, которое вырабатывает и поддерживает этническая группа. Поэтому, если наши взаимоотношения с прошлым и отличаются какой-либо объективностью, то она состоит в процессе бесконечных изменений, заставляющих нас вносить коррективы в оценку того, что происходило в прошлом, или даже кардинально ее пересматривать» [6, 17].

В-третьих, в содержательном аспекте феномен национальной идентичности включает в себя не только субъективное восприятие и понимание общего прошлого каждым поколением, но и коллективную память об этом прошлом как совокупности исторических периодов развития сообщества, связанных между собой отношениями культурной преемственности. Как пишет американский историк Аллан Мегилл, «коллективная память возникает в том случае, когда множество людей участвует в одних и тех же исторических событиях. Тогда можно говорить о том, что эти люди имеют «коллективную» память о данных событиях, но не в смысле некой надындивидуальной памяти – поскольку нет «памяти» вне индивидов, – но в том смысле, что каждый человек имеет (в границах своего собственного сознания) образ, опыт или гештальт, который пережили также и другие люди. Кроме того, эти образы или гештальты в большой степени совпадают, иначе память не была бы «коллективной»» [2, 112]. И здесь представляет интерес то, как в коллективной памяти соотносятся воспоминания о реальных исторических событиях и персонажах с мифологическими представлениями и идеологическими конструктами, как и почему происходит легитимация последних. Актуальность такой постановки вопроса обусловлена тем, что для современного общества характерна как

ностальгия по прошлому, так и страх перед прошлым. Все это является основой для политических манипуляций общественным мнением со стороны различных политических сил посредством социальных и медиа технологий. С одной стороны, это достигается посредством виктимизации определенных периодов исторического развития страны и государственных деятелей прошлого. С другой стороны, в качестве манипулятивного инструмента можно рассматривать абсолютизацию значимости историко-культурного наследия каких-либо этносов, статуса их автохтонности в определенном географическом регионе и гипертрофированные оценки их вклада в историю человечества. Постсоветская реальность свидетельствует, что это в полной мере находит свое выражение в конструировании этногенетических мифов и этноцентричных пантеонов исторических героев, открытии «памятных мест» на основе идеологически реконструированного исторического материала, активном развитии мемориальных практик, воспринимаемых в качестве компонентов политической идеологии.

В-четвертых, существует проблема методологического характера, обусловленная неспособностью традиционных монистических философских теорий адекватно описывать и объяснять динамичную социальную реальность современного мира, в котором любой социокультурный феномен (в том числе, коллективная память или национальная идентичность) представляет собой высоко плюралистичное, децентрированное и постоянно меняющееся образование. Так, для современной эпохи характерны высокие темпы социокультурных трансформаций, разноскоростная динамика коллективной памяти в различных этнокультурных сегментах мультикультурного общества, увеличение количества форм репрезентации прошлого, различие в подходах к моральной оценке исторических событий в коллективной памяти разных этнокультурных сообществ.

Итак, английский историк Патрик Хаттон определяет коллективную память как сложную «сеть общественных нравов ценностей и идеалов, отмечающая границы нашего воображения в соответствии с позициями тех

социальных групп, к которым мы относимся. Именно через взаимосвязь этих отдельных образов формируются социальные рамки (*cadres sociaux*) коллективной памяти, и только внутри этой системы координат может быть расположена индивидуальная память, если ей суждено выжить» [4, с. 200]. Коллективная память участвует в формировании и поддержании референциальных рамок сообщества, что актуализирует выявление ее роли при конституировании национальной идентичности. Для достижения заявленной цели необходимо в социально-философском плане раскрыть основные аспекты взаимодействия между собой коллективной памяти и национальной идентичности, рассматриваемой как с точки зрения примордиализма, так и конструктивизма.

В рамках примордиализма постулируется конструирование национальной идентичности на основе этнокультурных факторов (культура, язык, традиции и т.д.), которые трактуются как продукт естественного исторического развития этноса и подтверждают его автохтонность на определенной территории. При этом природа этнокультурных факторов фактически рассматривается в ключе эссенциализма, т.к. сторонники примордиализма «убеждены, что местная социокультурная реальность отмечена примордиалистской подлинностью, самобытностью, миссией и величием» [3, 133]. В свою очередь, процесс формирования как нации, так и национального государства приобретает иррациональный характер, когда его невозможно каким-либо образом контролировать и формализовать. В этом процессе ведущую роль играют социально-психологические и социокультурные детерминанты, на что обращает внимание Майкл Биллиг: «Необходимыми условиями воспроизводства мира наций служат воображение нации, память о ней, вера в нее и прочее. Для воспроизводства национального государства необходимо бесконечное множество психологических действий. И эти психологические действия не должны анализироваться с точки зрения мотивов отдельных участников» [1, 64]. В этом процессе коллективная память играет роль топлива, состоящего из объединяющих сообщество представлений о его «золотом веке», метафоричных

оценок культурных достижений, символов, ценностей, норм и мифов, языковых средств социальной коммуникации, которые имеют выраженную этнокультурную, а иногда и этноконфессиональную, окраску. Для обычного же человека коллективная память играет роль смыслопорождающего механизма, т.к. она, во-первых, способна «одушевлять те приватные миры, в которых жили и созидали ценности обычные люди» [4, 245]; во-вторых, является идентификационным основанием в широком смысле, когда «идентичность нации является столь же необходимым практически постулатом человеческого общежития, как и идентичность индивидуального лица» [5, 292]. Однако такое общество по определению не может быть многосоставным, плюралистичным и мультикультурным. Именно поэтому немецкий философ Курт Хюбнер настаивает на сохранении уникальности и аутентичности каждого этноса, как фактора развития всего человечества. Он достаточно безапелляционно пишет: «Требование мультикультурного общества в конечном счете сводится лишь к тому, чтобы в пустопорожнем резонансе человек потерял бы свои собственные корни и рассматривал культуру не как образ жизни, а всего лишь как интеллектуальную игру. Поэтому толерантность, которая делает возможной распространение этой игры, в своей основе оказывается лишь безразличием» [5, 390].

В рамках конструктивизма национальная идентичность является продуктом искусственного создания сообщества в рамках современного государства, при котором значение этнокультурных факторов минимизируется, в отличие от факторов идеологического, политического и экономического характера. Построение национальной идентичности актуализирует формирование универсального культурного пространства на основе общего литературного языка, пантеона общих исторических героев и реестра значимых исторических событий. Безусловно, это предполагает определенную селекцию по отношению к коллективной памяти в дидактических и идеологических целях, на что обращает внимание Джошуа Фишман: «При конструктивистском подходе социальные, политические, экономические и исторические процессы и условия

считаются определяющим фактором при «конструировании» наций и этнических групп. Эти процессы и условия определяют характер и значение этничности и оказывают на нее определяющее влияние. В свою очередь этничность имеет различные определения, так или иначе связанные с особой локальной культурной идентичностью» [3, 132-133]. При такой трактовке национальной идентичности определяющее значение для ее успешного формирования играет не столько коллективное самоопределение, социально-психологическое отождествление индивида с референтной группой, сколько лояльность граждан государства к политической системе и высокий уровень институционального доверия. Превалирование утилитарных мотивов и инструментализация политического поведения минимизируют значение экспрессивных компонентов коллективной памяти и усиливают роль ее интроспективной составляющей. Кроме того, коллективная память содержит материал, необходимый для конструирования образа жизни эталонного представителя нации, приоритетов ее социального развития, а также представления о тех исторически справедливых границах, которые должны очерчивать территорию проживания нации.

Таким образом, коллективная память является динамической структурой, релевантной социальному и культурному контексту, которая выступает в качестве фактора конструирования и поддержания национальной идентичности в пространстве отношений власти, господства и доминирования. В проективном аспекте данная ситуация выглядит как выражение исторически обусловленного коллективного опыта, выступающего в качестве смыслового фундамента будущего политически организованного сообщества. В ретроспективном аспекте – как детерминанты сохранения историко-культурной преемственности определенного сообщества (например, в виде ностальгического потребления или конструирования локальных версий исторического прошлого). В целом, влияние коллективной памяти как на формирование национальной идентичности граждан какого-либо политически организованного сообщества, так и на политические процессы в стране в целом, представляет собой сложный и

многоаспектный процесс, который требует продолжения соответствующих междисциплинарных исследований.

Список литературы

1. Биллиг, Майкл. Нации и язык // Логос. – 2005. – № 4 (49). – С. 60-86.
2. Мегилл, А. Историческая эпистемология. – М.: «Канон+», 2007. – 480 с.
3. Фишман, Джошуа. Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: связь между языком и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизни // Логос. – 2005. – № 4(49). – С. 132-140.
4. Хаттон, П. Х. История как искусство памяти / пер. с англ. В. Ю. Быстрова. СПб.: Владимир Даль, 2004. – 424 с.
5. Хюбнер, Курт. Нация: от забвения к возрождению / Перевод с немецкого А.Ю. Антоновского. – М.: Канон+, 2001. – 400 с.
6. Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. – М.: Академкнига, 2003. – 592 с.

**ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕМЕЙНО-
БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИРАНЕ И АЗЕРБАЙДЖАНЕ**

Иванов Александр Михайлович

*канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории
государства и права Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
г. Владивосток
Ami_25.07@bk.ru*

Дорофеева Марина Александровна

*канд. историч. наук, доцент кафедры теории и истории
государства и права Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
г. Владивосток
dorofeeva.ma@dvfu.ru*

**THE WAYS TO PERFECTION OF REGULATION OF MARITAL-AND
FAMILY RELATIONS IN IRAN AND AZERBAIJAN**

Aleksandr M. Ivanov

*Dr. of Law, Assistant professor of Chair of Theory &
History of State and Law,
Law School of Far Eastern Federal University,
Vladivostok*

Marina A. Dorofeyeva

Dr. of History, Assistant professor of Chair of Theory &

АННОТАЦИЯ

Сравнительный анализ основ брачно-семейного законодательства в Иране и Азербайджане позволяет внимательнее рассмотреть предпосылки и тенденции развития не только исследуемой отрасли права, но и современной правовой системы этих стран, в целом. Знание основ брачно-семейных отношений и модернизирующихся исламских традиций в Иране и Азербайджане позволит учитывать особенности исторического развития этих соседних стран в налаживании полнокровных добрососедских отношений.

ABSTRACT

A comparative analysis of the basis of marital-and family legislation in Iran and Azerbaijan allows us to get a more attentive look on the preconditions and tendencies of development not only of the studied branch of law, but of the modern legal system of these countries on the whole, as well. The knowledge of the fundamentals of marital-and family relations and of modernizing Islamic traditions in Iran and Azerbaijan will allow to take into account the specific historical development of these neighboring countries in the establishment of full-fledged good-neighbourly relations.

Ключевые слова: семья; брак; правовая мысль; история; воспитание; гражданское общество; социально-политическая мысль; правовая политика.

Key words: family; marriage; legal thought; civil society; history; education; social and political thought; legal policy.

Введение

В прошлом номере журнала нами было предложено знакомство с историей развития регулирования брачно-семейных отношений в Иране и Азербайджане [18]. Данная работа является логическим продолжением предыдущей и касается некоторых путей совершенствования брачно-семейного законодательства в названных странах. Взгляд на регулирование брачно-семейных отношений в отдельных странах позволяет переосмыслить эти отношения в нашей стране,

обогатив понимание нравственной ответственности за целостность брачного союза, воспитание детей. Что из них вырастет? Кадры, пригодные для России или для иных стран? В России, как и в Иране и Азербайджане, в настоящее время брак во многом сохраняется как традиционный способ создания семьи. С процессом эволюции института брака тесно связаны мораль, нравственность, обычаи, традиции, религия, культура, идеология. Подобно европейскому взгляду на брак, в исламе он также рассматривается как социальный договор, в котором определены обязательства и права для мужчин и женщин в отношении друг друга. Мусульманское право относят к системе религиозно-традиционного права, где право и религия тесным образом переплетаются, становясь единым целым. В юридической литературе нередко подчеркивается, что система норм, которые в исламском обществе являются правовыми, часто выражается в религиозной форме [15,76]. Основой мусульманских взглядов на семейные отношения является строгое соблюдение принципов мусульманской догматики, права и этики, предусмотренных в религиозных документах ислама, прежде всего, в Коране [14,14]. Нам представляется, что это не является спецификой лишь ислама, подобное касается и иных религий, в том числе и иудаизма и христианства. Светские нормы, в частности, регулирующие брачно-семейные отношения в Европе, во многом повторяют религиозные нормы, хотя и без заострения внимания на этом. Возможно, в последующих работах мы коснемся подробнее этой особенности.

В настоящее время вопросы семьи и детства в мусульманских странах, как и в европейских странах, регулируются не только положениями религии, но и законодательством, которое, впрочем, нередко разрозненное и упорядочивает лишь отдельные стороны сферы семьи. На этом фоне сравнительный анализ путей совершенствования регулирования брачно-семейных отношений в Иране, где, считается, в большей степени придерживаются традиционных подходов к пониманию семьи, брака с позиции ислама и религиозным нормам отводится еще большая роль, и в Азербайджане, где ключевая роль отводится не нормам религии, а светскому законодательству, дает определенную почву для размышлений о

совершенствовании и российского брачно-семейного законодательства.

1. Регулирование семейно-брачных отношений в современном Иране

Ст. 10 Конституции Иранской Республики 1979 г. устанавливает: «так как семья является основной ячейкой исламского общества, все законы и нормативные акты должны быть направлены на облегчение создания семьи, охрану её священного статуса и прочность семейных отношений на основе исламского права и морали» [25]. Революция 1979 года внесла значительные поправки в семейное право Ирана. В частности, сразу после революции был отменен Закон о защите семьи, брачный возраст для девочек снова снижен, до 13 лет, в то же время были отменены ограничения на многоженство и временные браки. Иногда отмечается, что правовые кодексы Ирана не вполне отражают социальную реальность семейной жизни и положение женщин в стране, что существует большой разрыв между тем, что разрешено законом, и тем, что действительно происходит в обществе. Например, закон, разрешая вступать в брак девушке с 9 лет, с одобрения ее опекуна, фактически легализирует секс с маленькой девочкой. Это противоречит не только Конвенции о правах ребенка [4] (к Конвенции Исламская Республика Иран присоединилась в 1994 году, с оговорками), в которой ребенок определяется как лицо в возрасте до 18 лет (статья 1) и государство несет ответственность за защиту детей от всех форм эксплуатации, включая сексуальную (статьи 34, 35 и 36), но и Всеобщей декларации прав человека [1], статья 16 которой гласит, что «брак заключается только при свободном и полном согласии будущих супругов». Тем не менее, договорные браки в Иране являются обычным явлением, а некоторые из них бывают принудительными. Принудительные браки происходят преимущественно в сельской местности, в городах это явление достаточно редко. По данным ЮНИСЕФ приблизительно 5,4% иранских детей вступают в брак в возрасте до 15 лет, а 17% вступают в брак к 18 годам [29]. Браки между молодыми девушками и мужчинами зрелого возраста часто являются результатом бедности или безработицы. Интересно, что хотя концепции и теория брака были изменены исламскими традициями, фактические церемонии

остались более или менее такими же, какими они были в древней иранской культуре. Как правило, договариваются о браке родители молодых людей. Семейное право Ирана обстоятельно регламентирует добрачный период и включает институт сватовства (хастагари) [29].

ГК Иранской Республики [11] регламентирует разные аспекты, касающиеся жениха и невесты. Например, статьей 1034 определено право жениха просить руки девушки в том случае, если этому ничего не препятствует; ст. 1035 устанавливает право на расторжение помолвки, а установление суммы брачного выкупа в брачном договоре и последствия его неуплаты регулируется статьями 1078-1101 ГК Иранской Республики. При заключении брака для женщины, ранее не состоявшей в браке, требуется официально заверенное разрешение отца или разрешительное решение суда (ст.1041 ГК Иранской Республики [11]). Брак официально регистрируется нотариусом, так же обязательно заключение брака муфтием в мечети. Прежде чем вступить в брак молодые люди должны пройти медицинское освидетельствование с целью исключения наличия заболеваний, приведенных в перечне ст. 1040 ГК Иранской Республики [11]. Обнаружение любого заболевания из перечня, дает право расторжения помолвки. Празднование свадьбы в Иране, мероприятие довольно затратное и зависит от материального положения семьи. Обычно торжество проходит в ресторане или дома у жениха.

Личные неимущественные права в мусульманском праве очень разнообразны. В семейном же законодательстве они для супругов почти одинаковы, за исключением некоторых (например, супруг не может расторгнуть брак до достижения ребенком полутора лет и др.). Права супругов достаточно дифференцированы. В частности, мужчина имеет право управлять семьей, а жена обязана подчиняться мужу. Жена имеет право на удовлетворение своих биологических потребностей и на справедливое отношение к ней. То, что зарабатывает муж, он должен тратить на нее и своих детей. А если женщина работает, то средства, заработанные ею, являются ее личной, а не совместной собственностью. Ст. 1199 ГК Иранской Республики, возлагает полную

ответственность за расходы детей на мужа, или если он умер или не может взять на себя ответственность, то эта ответственность переходит к отцу мужа или бабушке. Только после исчерпания этих ресурсов мать несет ответственность за благосостояние своих детей. Ст. 1206 ГК Иранской Республики, позволяет жене требовать все предыдущие неплатежи и подать жалобу в суд, в случае, если муж обанкротился, так как этот долг считается приоритетным, по отношению к другим долгам. Некоторые сторонники этого закона воспринимают его как особую привилегию, предоставляемую женщинам, но фактически это усиливает представление о том, что мать не является опекуном детей и является полностью экономически зависимой [11].

Условно личные неимущественные отношения супругов можно разделить на декларативные нормы, содержащие как нормы морали, так и нормы права, на отношения, складывающиеся из права мужчины на управление семьей и обязанности женщины в подчинении ему.

Иранское законодательство все еще допускает многоженство, это не только противоречит международным стандартам, но и явно не связано с социальной реальностью иранского общества. По общему мнению, многоженство в Иране практически отсутствует, поскольку супруг обязан содержать каждую из жен в одинаково достойных условиях, что требует значительных материальных затрат. И все же закон остается, и официальные каналы стремятся продвигать эту практику. И, хотя жена по закону может подать на развод, если муж женится на другой женщине без ее согласия, на практике это нелегко. Во многих случаях она находится в финансовой зависимости от мужа и в соответствии с законами об опеке над детьми, в случае развода она, скорее всего, потеряет опеку над ними.

Право на развод является важной составляющей брачных отношений. В последнее время оно подверглось значительным изменениям, в сторону соблюдения интересов женщин. Измененная версия положений о разводе в Законе о защите семьи была принята 23-го сентября 1979 года. Было предписано создание специальных гражданских судов, которые приступили к работе в

ноябре того же года. Изначально право на развод принадлежало исключительно мужу, но в соответствии с Законом о защите семьи, как мужчины, так и женщины могут просить суд о разводе при определенных обстоятельствах [12,100]. В дальнейшем Закон о защите семьи был ратифицирован Кабинетом министров 24 июня 2007 года [8]. Развод разрешается только после попытки судьи примирить стороны, а уже по итогу, суд назначит слушание дела и вынесет решение. Если согласие на развод обоюдное, то супруги регистрируют свой развод в Бюро регистрации брака и развода в присутствии двух свидетелей.

Развод будет считаться обоснованным для мужчины, если, женщина страдает заболеваниями, которые согласно ст. 1123 ГК Иранской Республики препятствуют деторождению, а для женщины, этот вопрос решается на основании ст. 1122 ГК Ирана. Помимо этого, диагностированное психическое расстройство одного из супругов дает другому полное право на развод (ст. 1121 ГК Иранской Республики). В закон 1992 года были внесены поправки в положение о разводе, расширив доступ жены к разводу, предоставив женщинам больше оснований для подачи заявления на развод [11].

Опека над детьми, уже не являющаяся неотъемлемым правом отцов, теперь решается специальными гражданскими судами. При любых обстоятельствах за женщиной сохраняется право на *махр* [21,69] (приданое выплачиваемое мужем жене) и содержание, куда включаются расходы на одежду, питание, жилье, лечение и др. Говоря о махре, заметим, что он часто представлен как страховой полис жены против развода или за него. По словам юристов, сталкивающихся с тем, что иранские женщины все чаще обращаются к использованию своего законного права на махр, они используют его как своего рода страховку. Мужья обязаны платить эту сумму женам при разводе. В общем, махр вступает в игру только во время развода. В соответствии с так называемым «разводом по обоюдному согласию» женщина может отказаться от части, или от всего своего махра, чтобы предоставить своему мужу финансовый стимул отпустить ее [33]. Некоторые женщины, напротив, не желая развода, могут использовать махр, чтобы остаться в браке, поскольку, его сумма, исчисляемая в золотых монетах

(по договоренности, махр может быть в любом эквиваленте [27]), может быть непомерно высока для выплаты, и неплательщик мог получить тюремное заключение до 5 лет. В 2015 году вышел закон облегчающий выплату махра [30], мужчины больше не будут подвергаться аресту, а в случае невозможности выплаты оговоренной суммы, в полном объеме, им вменяется ежемесячная выплата в рассрочку.

Особого внимания в иранском обществе заслуживает такое явление, как временный брак [11]. На арабском языке они называются *мута* (nikahmut'aa) приятные браки, на фарси это звучит - *сигэ* (sigheh). Критики отмечают, что большинство вступающих в них женщин - обедневшие, разведенные или овдовевшие женщины, которые нуждаются в финансовой помощи. Глава 6, «О временном браке» ст. 1075 ГК Иранской Республики и глава 3 ст. 22 Закона о защите семьи официально санкционируют эту практику. Согласно законодательству обе стороны могут выполнять службу, читая соответствующий отрывок на фарси или английском языке [28].

Пара должна официально зарегистрировать свой союз только в том случае, если: - женщина беременна; - обе стороны согласны или решают вступить в брак. По ст. 1075 ГК Ирана временный брак не отличается от обычного брака, за исключением того факта, что он имеет установленную продолжительность. Другими словами, мужчине или женщине разрешены сексуальные отношения, но только в течение заранее определенного периода времени. В то же время дети, рожденные в результате временного брака, являются «законными» и имеют право наследования. Поскольку эти браки официально не зарегистрированы, «постоянная» жена может и не знать, что у ее мужа был временный брак. Таких браков у мужчины и у женщины, может быть неограниченное количество. Вступление в подобный брак несовершеннолетних, как и в случае с постоянным браком, допускается, с согласия отца или опекуна и с разрешения судьи. Механизм заключения временного брака довольно прост, в сущности, заключается возмездный договор на определенный срок между мужчиной и женщиной, женщина получает определенную плату от мужчины за исполнение

обязанностей жены.

Критики отмечают, что временный брак, в сущности, является формой узаконенной проституции, в то время как сторонники утверждают, что краткосрочные брачные контракты (которые могут длиться от нескольких минут до 99 лет) являются прагматической лазейкой в стране, которая криминализирует внебрачный секс, предлагая законность и право наследования для детей, рожденных в этом браке [31]. Временный брак был предметом споров не только для законодателей, но и для некоторых иранских феминисток. В начале 1990-х годов президент Рафсанджани объявил, что не видит ничего плохого во временном браке. После негативной реакции на его заявление, он поспешил добавить, что он назвал временный брак хорошим решением только для вдов войны [32]. Как ни странно, но многие люди, в том числе некоторые исламистские феминистки и другие защитники прав женщин, полагают, что *сигэ* позволяет мужчинам и женщинам поддерживать близкие отношения, не опасаясь нарушения строгих исламских социальных и моральных ценностей.

В целом религия оказала сильное влияние на развитие всех сфер жизни иранского общества, вплоть до того, что действует система узаконенного наказания шариатских судов. Более того, следует отметить, что в Иране действуют специальные учреждения мусульманского контроля и инспекции, которые могут наложить мусульманское наказание за отклонение от норм морали [20,198].

Согласно интерпретации в Иране исламского шариатского закона, действовавшего со времени его революции 1979 года, супружеская измена, в соответствии со статьями Уголовного Кодекса Ирана 1991 года наказывается забиванием камнями осужденных. Наказаниям за внебрачный секс посвящена целая глава УК (ст. 102). При исполнении наказания в виде побития камнями лицо мужского пола должно быть закопано в землю по пояс, а наказуемое лицо женского пола - по грудь. Ст. 104 гласит: «Камни, используемые в качестве орудий наказания, должны быть достаточно крупными, чтобы соответствовать своему названию, но не должны достигать таких размеров, при которых смерть

осужденного лица может наступить в результате одного или двух ударов ими» Другая глава подробно описывает, как подобные отношения могут быть доказаны и проверены в суде [16].

После громких внутренних и международных противоречий по поводу забивания камнями в первые годы существования Исламской Республики, правительство объявило мораторий на забивание камнями в 2002 году. В 2012 году положения, предписывающие забивания камнями были официально исключены из Уголовного Кодекса. Теперь, в соответствии со ст. 225, лицо может быть казнено другим способом. Но, теоретически, Уголовный кодекс позволяет судьям назначать наказание в соответствии с «действующими исламскими источниками» и шариатскими наказаниями. Не смотря на это, до сих пор регистрируют случаи этого вида казни [20].

Количество заключаемых браков в Иране в последние годы снижается в связи с увеличением числа женщин посещающих университет и делающих карьеру независимо от мужчин. Полагаем, что изменения в модели выбора супругов от традиционной к современной, а также возросшая роль женщин в принятии семейных решений, играют значение в их выборе в вопросе принятия решений.

Что касается экономических прав женщин, то, в соответствии со ст.21 ГК Ирана, Правительство должно обеспечить права женщин во всех отношениях в соответствии с исламскими критериями, для достижения таких целей как создание благоприятной среды для роста личности женщины и восстановление ее прав, как материальных, так и интеллектуальных, предоставление специального страхования вдовам, пожилым женщинам и женщинам, оставшимся без поддержки, присуждение опеки над детьми достойным матерям. Исламскими же критериями, на практике женщины ограничены различными способами. Во-первых, они освобождаются от любой ответственности или прав на домашнее хозяйство и уход за детьми; во-вторых, им по закону запрещено быть судьями; в-третьих, женщина не имеет свободы мобильности - ей нужно письменное разрешение от ее мужа или опекуна, чтобы путешествовать или

получить паспорт, будь то для деловых или иных целей; в-четвертых, во многих случаях женщина нуждается в разрешении родственника мужского пола на работу. Хотя женщине не требуется разрешения мужа на работу, он может юридически наложить ограничения на тип работы, которой она может заниматься. Это, опять-таки, вступает в противоречие со ст. 6 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, которая гарантирует каждому право на труд [6].

В 2013 г. Парламентом Ирана был принят первый Семейный кодекс, а в апреле того же года он вступил в силу. Закон отменил ряд действовавших законодательных актов. В частности, этим законом упразднены статьи 642 и 645-646 УК Ирана (касающиеся соответственно следующих аспектов: наказания платежеспособного мужа за отказ от уплаты финансового содержания жене и родственникам, имеющим право на содержание; нерегистрации постоянного брака, развода и аннулирования развода; женитьбы на девушке, не достигшей брачного возраста), а также 10 законодательных актов полностью и один – частично. Наиболее важными из отмененных актов являются Закон о браке 1931 г., Закон об отказе от брака 1932 г., Закон о праве на опеку 1986 г., Закон о внесении изменений в порядок развода и Закон о передаче под юрисдикцию нескольких существующих судов предмета статьи 21 Конституции. Семейный кодекс 2013 г. состоит из 58 статей и ряда примечаний («табсирах»), разделенных на семь глав, которые рассматриваются последовательно. В этом же источнике закреплены положения о создании суда по семейным делам и его юрисдикции. Нормы временного брака также регламентируются предписаниями ислама и нормами Гражданского кодекса, в частности, как указано выше, его регистрация обязательна в следующих случаях: «в случае беременности жены; по согласованию сторон; в случае обязательной регистрации согласно условиям договора».

За последние три политических режима в Иране законные права женщин подвергались многочисленным изменениям. Во времена правления Каджарской королевской династии, управлявшей Ираном с конца 1800-х до начала 20-го

века, женщины были более изолированы, поскольку и их экономический вклад был ограничен работой по дому и они не занимались политикой. Эти условия в значительной степени изменились во время режима Пехлеви 1925-1979 годах, когда женщины имели гораздо больше свободы, благодаря стремлению шаха сделать Иран более современной или более европейской страной. После Иранской революции 1979 года, свобода для женщин была значительно ограничена, как в правовых, так и в социальных аспектах. Однако, по сравнению с другими регионами Южной Азии женщины в Иране имеют более широкий доступ к финансовым счетам, образованию и мобильным телефонам. Тем не менее, на сегодняшний день, Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин [3] Иран не подписал, но подписаны такие документы по правам человека, как: Всеобщая декларация прав человека; Конвенция о правах ребенка; Международный пакт о гражданских и политических правах [5]; Международный пакт об Экономических, социальных и культурных правах; Конвенция об отмене рабства [2].

Исходя из изложенного, по нашему мнению, в настоящее время еще существует ряд противоречий между иранским семейным правом и международными правами человека.

2. Основы правового регулирования семейных отношений в Азербайджане

После развала Советского союза в Азербайджане 12 ноября 1995 года была принята первая конституция независимого Азербайджана, которая регламентирует осуществление законодательной власти. Законодательную власть в Азербайджанской Республике осуществляет Милли Меджлис Азербайджанской Республики [13,21].

Сейчас Азербайджан - светская страна, и ее конституция основана на светских ценностях. Ислам, русское православие и иудаизм считаются «традиционными» религиями, которые можно свободно исповедовать.

Семейное законодательство состоит из Конституции Азербайджанской Республики [7], Семейного Кодекса Азербайджанской Республики (далее – СК Азербайджана) [9] и других соответствующих законодательных актов, принятых

в соответствии с СК Азербайджана и международных договоров, стороной которых является Азербайджанская Республика. В соответствии со ст. 17 Конституции Азербайджанской Республики: «Семья как основная ячейка общества находится под особой опекой государства» [7]. Согласно СК Азербайджана правовое регулирование брачных и семейных отношений в республике, с юридической точки зрения, осуществляется государством. В этой связи, признается только брак, заключенный в соответствующем органе исполнительной власти. Религиозное бракосочетание не имеет юридической силы. СК Азербайджана устанавливает правила и условия заключения и расторжения брака (статьи 9-13, в гл. 23 статьи 171-175), а так же признание его недействительным. В случае развода, почти в 100% случаев дети остаются при матери, а отец обязан отчислять часть своего заработка на содержание детей, то есть, выплачивать алименты. Имущественные и личные неимущественные отношения, возникающие между членами семьи, так же регулируются статьями СК Азербайджана, несмотря на то, что СК Азербайджана содержит положения, регламентирующие содержание и составление брачного контракта.

Основой правового регулирования семейных отношений является принцип добровольности мужчины и женщины при заключении брака, а также равноправие супругов, решение внутрисемейных вопросов на основе взаимного согласия, преимущество семейного воспитания детей, забота об их благосостоянии и развитии, обеспечение защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи [9].

К сожалению, неблагоприятные аспекты переходного периода в Азербайджане, как и в других постсоветских республиках, наиболее сильно затронули женщин. Из-за определенной динамики свободного рынка, приватизации и структурной перестройки многие женщины потеряли государственную занятость и предоставляемые государством возможности занятости в таких областях, как образование и здравоохранение. Кроме того, этноцентрический национализм, возрождение местных консервативных традиций и обычаев и растущее влияние патриархальных версий ислама (как

шиитского, так и суннитского ваххабитского исламизма) поставили под угрозу равные права и равноправное гражданство мужчин и женщин. Большинство женщин работают в более низкооплачиваемом государственном секторе, нежели мужчины, а традиционные нормы увековечивают дискриминацию и насилие в отношении женщин.

Конституция Азербайджана в статье, посвященной праву на равенство, в качестве отдельного положения устанавливает, что «мужчины и женщины обладают равными правами и свободами» (часть II ст. 25), и прямо запрещает «ограничивать в правах и свободах человека и гражданина исходя из ...принадлежности к полу» [7]. Равенство между мужчинами и женщинами подтверждено впоследствии соответствующими законами и законодательными актами Азербайджанской Республики. Но после развала Советского Союза возникли новые препятствия и активизировались патриархальные общественные структуры. Сложный процесс национального и государственного становления не мог не повлиять на сложившуюся ситуацию в семейно-брачной сфере.

Например, существующее гражданское и семейное право в Азербайджане переживает все возрастающее на практике число браков, основанных на шариате, вместо гражданского кодекса или параллельно с ним. Эта растущая практика создает параллельную (неформальную и незарегистрированную) модель брака, которая делает женщин более уязвимыми и лишает их формальной правовой защиты в отношении многоженства, развода, опеки над детьми и выплаты алиментов [17].

Согласно СК Азербайджана (ст.11), допустимый возраст для вступления в брак женщиной составляет 18 лет. Одной из «важных проблем, с которыми, в настоящее время сталкивается население, особенно, в сельских районах Азербайджана, являются ранние браки, т.е. браки, заключенные до наступления хотя бы у одного из супругов возраста согласия на брак [23]. В соответствии с Уголовным кодексом Азербайджана, принуждение лица до 18 лет к вступлению в брак грозит наказанием, либо штрафом в размере от трех до четырех тысяч манат, либо арестом, до 4 лет (ст.176-1) [10]. В этой связи, председатель

Государственного комитета по проблемам семьи, женщин и детей Хиджран Гусейнова требует уточнения условий, при которых возможно заключение брака с несовершеннолетней девушкой, поскольку, по ее мнению, ранний брак влияет не только на дальнейшую сферу деятельности, выбор профессии, но и развитие молодой женщины, изолируя ее от общества [26].

Похищение невест в Азербайджане, как и во многих странах Кавказа и Центральной Азии, является давней и противоречивой традицией, которую некоторые считают безвредным способом экономии денег на свадьбе, а другие, варварским нарушением прав человека. Как и в ряде иных кавказских регионов бывшего Советского Союза, в Азербайджане возобновились случаи принудительных браков. Имеют случаи похищения женщин и девочек, иногда даже возраста от 12 лет. Семья похитителя оказывает психологическое, а иногда и физическое давление, принуждая молодую женщину дать согласие на брак [22]. Похищение невесты, по сути, является похищением человека, если оно совершено против ее воли, и подпадает под ст. 144 УК Азербайджана [10]. Минимальное наказание за данное преступление составляет пять лет лишения свободы. Как и в Иране, достижение гендерного равенства в Азербайджане, стало заложником предписанной ответственности женщин как основных хранительниц традиций, национальной и этнической самобытности. Некоторые традиционные образы, обычаи и стереотипы женственности, названные *асил* (подлинный) и *исматли* (целомудрие) были сохранены в качестве маркеров идентичности, определяющих этническую принадлежность азербайджанцев и отличающих их от русских. Среди основных институтов, предлагающих азербайджанцам возможность противостоять полной ассимиляции, были семья и религия.

Родственные браки широко распространены в некоторых странах мира, но в Азербайджане, это явление стало настоящей проблемой, когда было обнаружено, что в стране наблюдается высокий уровень редкого генетического заболевания, называемого талассемией. Медики считают, что эту проблему породили именно внутрисемейные браки. В этой связи, с 2015 года в

Азербайджане, с целью выявления наследственных и генетических заболеваний, будущим супругам, так же как и в Иране, вменяется в обязанность прохождение медицинского обследования [24].

Многоженство, еще одно явление, узаконенное в Иране, запрещено законом в Азербайджане. Не смотря на это, существует множество семей, в которых мужчина фактически состоит в браке с несколькими женщинами. Популярность таких браков значительно выросла за двадцать пять лет с момента обретения Азербайджаном независимости.

Исходя из ст. 12 СК Азербайджана, мы можем формально считать, что многоженство является незаконным, но за нарушение этого пункта статьи не предусмотрены какие-либо меры наказания. Что касается детей, рожденных в таких браках, то «в соответствии со статьей 44.3. СК Азербайджана, отцовство лица, не состоящего в браке с матерью ребенка, устанавливается по инициативе отца и матери ребенка.

Понятия временный брак в азербайджанском законодательстве, в отличие от иранского, нет. В настоящее время семейное законодательство Азербайджана находится в большей степени в соответствии с международными стандартами, чем когда либо, с учетом такого специфического фактора как многодетность семей, включая особенное положение женщин в семьях. Охрану интересов матери и ребенка обеспечивают специальные меры по охране труда и здоровья женщины, создание условий, которые позволяют женщинам сочетать труд с материнством, обеспечивая им правовую защиту, материальную и моральную поддержку материнства и детства.

После развала СССР, Азербайджанская Республика присоединилась практически ко всем основным международным документам по защите прав женщин и детей, приняв соответствующие законы в республике еще в 1990-х годах. В отличие от Ирана, Азербайджан присоединился к Конвенции ООН О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин..

Заключение

Современный период развития основ семейно-брачного законодательства

Ирана и Азербайджана являет значительные различия в подходах развитию семейно-брачных отношений. Две страны, имеющие некогда одну историю развития, вошли в современность разными путями. СК Азербайджана был утверждён в 1999 году, в нем определены стандарты, регулирующие установление и укрепление семейных отношений, принципы нарушения отношений, права и обязанности членов семьи, обязанности государственных органов в этой области, а также правила государственной регистрации актов гражданского состояния в соответствии с основополагающими правами и свободами человека и гражданина, предусмотренными Конституцией Азербайджанской Республики. В настоящее время семейное законодательство Азербайджана развивается в большей степени в соответствии с международными стандартами, чем когда либо. Азербайджан присоединился практически ко всем основным международным документам по защите прав женщин и детей, приняв соответствующие законы в республике еще в 1990-х годах.

В Иране законные права женщин подвергались многочисленным изменениям. Изолированность женщин до начала 20-го века сменилась предоставлением им большей свободы во время режима Пехлеви до 80-х годов. После Иранской революции 1979 года свобода для женщин вновь была значительно ограничена, как в правовых, так и в социальных аспектах. Правовые кодексы Ирана до сих пор не вполне отражают социальную реальность семейной жизни и положение женщин в стране. В сравнении с Республикой Азербайджан женщины Ирана более ограничены в правах, они находятся в более слабом положении по сравнению с мужчинами. Вместе с тем, Иран присоединился к ряду Конвенций, затрагивающих, среди прочего, права женщин, и есть надежда, что серьезные противоречия между иранским семейным правом и международными правами человека исчезнут.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной

Ассамблеей ООН 10.12.1948 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (дата обращения: 08.05.2019).

2. Конвенция относительно рабства, подписанная в Женеве 25.09.1926, с изменениями, внесенными Протоколом от 7 декабря 1953 года: заключена в г. Женеве 25.09.1926 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15260#004273719378008212> (дата обращения: 13.05.2019).

3. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин: принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи от 18.12.1979 [Электронный ресурс] // Сайт ООН. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения: 13.05.2019).

4. Конвенция о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (дата обращения: 08.05.2019).

5. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16.12.1966 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/ (дата обращения: 13.05.2019).

6. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16.12.1966. [Электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5429/ (дата обращения: 13.05.2019).

7. Конституция Азербайджанской Республики от 12.11.1995 (с

изменениями и дополнениями по состоянию на 11.10.2016 г.) [Электронный ресурс] // Онлайн-Закон. Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420395 (дата обращения: 13.05.2019).

8. Закон о защите семьи 23.07.2007 № 36780/68357 [Электронный ресурс] // Iranian Divorce In USA. Режим доступа: <https://iraniandivorceinusa.com> (дата обращения: 11.05.2019).

9. Семейный Кодекс Азербайджанской Республики: утвержден Законом Азербайджанской Республики от 28.12.1999 № 781-IQ (с изменениями от 09.04.2019) [Электронный ресурс] // Онлайн-Закон. Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420386 (дата обращения: 13.05.2019).

10. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики: утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30.12.1999 № 787-IQ [Электронный ресурс] // Онлайн-Закон. Режим доступа: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 13.05.2019).

11. The Civil Code of the Islamic Republic of Iran. [Электронный ресурс] // WIPO. Режим доступа: <https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/ir/ir009en.pdf> (дата обращения: 06.05.2019).

12. Абедины, М.Х. Расторжение брака в Иранском праве: дисс. ... канд. юрид. наук / М.Х. Абедины. Душанбе, 2016. 218с.

13. Ахмедова, Ф.М. Процесс формирования внешней политики Азербайджанской Республики: Институциональные аспекты. Практикум / Ф.М. Ахмедова, А.А. Корнилов. Нижний Новгород: Нижегородский университет, 2018. 74 с.

14. Вагапов, М.В. Ислам и семья / М.В. Вагапов. М.: Наука, 1980. - 174 с.

15. Володина, Н.В. Отношения государства и религиозных

объединений: опыт правового регулирования / Н.В. Володина. СПб.: Изд-во Юридического ин-та, 2010. - 209 с.

16. Выдержки из уголовного кодекса Исламской республики Иран. [Электронный ресурс] // Пикабу. Режим доступа: <https://pikabu.ru> (дата обращения: 02.05.2019).

17. Женщины, демократизация и ислам в постсоветском Азербайджане. Независимое исследование. 2011 г. [Электронный ресурс] // Центр Вудро Уилсона. Режим доступа: <https://www.wilsoncenter.org> (дата обращения: 07.05.2019).

18. Иванов А.М., Дорофеева М.А. К вопросу об истории регулирования семейно-брачных отношений в Иране и Азербайджане// «Теология. Философия. Право». 2019. №2.

19. Иран: оппозиционные политические группы, силовые структуры, избранные проблемы в области прав человека, верховенство права [Электронный ресурс] // Сайт УВКБ ООН. Режим доступа: <https://www.refworld.org/cgi-bin/tehis/vtx/rwmain/opensslpdf.pdf?reldoc=y&docid=57b71856a> (дата обращения: 07.05.2019).

20. Магомедова, М.Р. Некоторые аспекты развития мусульманского права в странах арабского востока / Магомедова М.Р. Нурмагомедов И.Г.// Государство и право. 2016. №10 (89). С. 197-199.

21. Мусульманское право / под ред. Р.И. Беккина. М.: Ummah, 2010. - 283 с.

22. Похитители азербайджанской невесты подвергаются суровым наказаниям [Электронный ресурс] // Institute for War & Peace Reporting. Режим доступа: <https://iwpr.net/search/google> (дата обращения: 10.05.2019).

23. Ранние браки в Азербайджане – уголовные дела [Электронный ресурс] // Новостное агентство «Тренд». Режим доступа: <https://www.trend.az/life/socium/2494667.html> (дата обращения: 07.05.2019).

24. Родственные браки в Азербайджане - опасная традиция [Электронный ресурс] // Еврорадио. Режим доступа:

<https://euroradio.fm/ru/rodstvennye-braki-v-azerbaydzhane-opasnaya-tradiciya>
(дата обращения: 10.05.2019).

25. Салихов И.И., Малмир Э.Н. Правовое положение супруги по законодательству Российской Федерации и Исламской Республики Иран [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-polozhenie-suprug-i-po-zakonodatelstvu-rossiyskoj-federatsii-i-islamskoj-respubliki-iran> (дата обращения: 06.05.2019).

26. Семейный кодекс Азербайджана может быть изменен [Электронный ресурс] // Sputnik-Новости. Режим доступа: <https://az.sputniknews.Ru> (дата обращения: 07.05.2019).

27. Суд обязал иранца вернуть жене 124 тысячи роз. [Электронный ресурс] // Корреспондент. Режим доступа: <https://korrespondent.net/strange/408233-sud-obyazal-iranca-vernut-zhene-124-tusyachi-roz> (дата обращения: 08.05.2019).

28. How Temporary Marriage, or Sigheh, is Spreading in Iran [Электронный ресурс] // Kayhanlife.com. Режим доступа: <https://kayhanlife.com/views/opinion-how-temporary-marriage-or-sigheh-is-spreading-in-iran/> (дата обращения: 02.05.2019).

29. Iran: Children between 12 and 15 Forced into Marriage [Электронный ресурс] // Iran Focus. Режим доступа: <http://www.iranfocus.com> (дата обращения: 08.05.2019).

30. New Iran law removes jail terms for men who can't pay dowry [Электронный ресурс] // The Arab Weekly. Режим доступа: <https://the arabweekly.com/new-iran> (дата обращения: 08.05.2019).

31. Tamilla, F. Ghodsi, Tying A Slipknot: Temporary Marriages in Iran [Электронный ресурс] / F. Tamilla // Michigan Journal of International Law. Режим доступа: <https://paperity.org/p/84504231/tying-a-slipknot-temporary-marriages-in-iran> (дата обращения: 10.05.2019).

32. Valentine M. Moghadam. Women in the Islamic Republic of Iran: Legal

Status, Social Positions, and Collective Action. [Электронный ресурс] / Valentine M. Moghadam. // Scuolasantanna. Режим доступа: http://www.sssup.it/UploadDocs/7320_7_R_Women_in_the_Islamic_Republic_of_Iran_Moghadam_07.pdf (дата обращения: 10.05.2019).

33. William, Y. Iran's Divorce Rate Stirs Fears of Society in Crisis. [Электронный ресурс] / Y. William // NY Times: офиц. Сайт СМИ. Режим доступа: <https://www.nytimes.com> (дата обращения: 08.05.2019).

УДК 343.234.5

ГРНТИ 10.77.41

**ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО СТ.
200.3 УК РФ: ОЦЕНКА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ И
ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ**

Князьков Александр Александрович

кандидат юридических наук, доцент,

старший преподаватель кафедры уголовного права

и криминологии

ФГБОУ ВО Ярославский Государственный Университет

им. П.Г. Демидова,

г. Ярославль, Россия

alknyazkov@mail.ru

Щербак Елизавета Романовна

Студентка 4 курса Юридического факультета

ФГБОУ ВО Ярославский Государственный Университет

им. П.Г. Демидова,

кафедра уголовного права и криминологии,

г. Ярославль, Россия

elizavetashcherbak@gmail.com

**EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY UNDER ST. 200.3 THE
CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: ASSESSMENT OF
LEGISLATIVE EXECUTION AND LEGAL PERSPECTIVES**

Alexander A. Knyazkov

candidate of juridical sciences,

Associate Professor (docent),

senior lecturer of the criminal law and criminology Department

Yaroslavl State University named after P.G. Demidov

Yaroslavl, Russia

Elizaveta R. Shcherbak

student 4 courses of the Faculty of Law

Yaroslavl State University named after P.G. Demidov,

Department of criminal law and criminology

Yaroslavl, Russia

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются недостатки законодательной техники примечания 2 ст. 200.3 УК РФ. В частности, обращается внимание на отсутствие правил об индексации возмещенного застройщиком ущерба (ввиду снижения покупательной способности внесённых ранее дольщиками средств); процедуры по удовлетворению указанного действия в уголовно-правовой форме; оговорки о том, что в содеянном должны отсутствовать признаки состава иного преступления. Также выделяются субъекты, компетентные осуществлять освобождение от уголовной ответственности по указанным делам, анализируется практика их взаимодействия.

ABSTRACT

The article explores the shortcomings of the legislative technique of notes 2, art. 200.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. In particular, attention is drawn to the absence of rules on the indexation of damages compensated by the developer (due to a decrease in the purchasing power of funds contributed earlier by equity holders); procedures for satisfying a specified action in a criminal law form; reservations that there should be no evidence of the corpus delicti of another crime. It also highlights the subjects competent to exempt from criminal liability in these cases, the practice of their interaction is analyzed.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности; дольщики; застройщик; возмещение ущерба.

Keywords: exemption from criminal liability; equity holders; developer; damage compensation.

В 2016 году в Уголовный кодекс РФ была введена статья 200.3, устанавливающая уголовную ответственность за привлечение денежных средств граждан для строительства в нарушение требований законодательства

Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости [1]. Данное изменение представляет собой реакцию (признаем, запоздалую) законодателя на активный рост рынка долевого строительства, появления недобросовестных застройщиков, которые путем невыполнения своих обязательств порождают ситуацию обманутых дольщиков. Однако по прошествии трех лет с момента внесения указанной статьи проблема остается актуальной. Так, согласно официальной статистике Генеральной прокуратуры РФ на сегодняшний день около 900 недостроенных по всей России остаются незавершенными, а жилья ожидают около 39 000 обманутых дольщиков.

С точки зрения восстановления социальной справедливости и нарушенных прав граждан не всегда важен результат в виде привлечения к уголовной ответственности недобросовестного застройщика. Вложение значительных средств диктует необходимость защиты имущественных интересов – получить жильё либо каким-то иным образом компенсировать те затраты, которые граждане произвели по договору долевого участия.

Вследствие изложенного, именно экономический и социальный интерес защищается стимулирующим примечанием 2 к ст. 200.3 УК РФ: «Лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если сумма привлеченных денежных средств (сделки с денежными средствами) возмещена в полном объеме и (или) если указанным лицом приняты меры, в результате которых многоквартирный дом и (или) иной объект недвижимости введены в эксплуатацию».

Указанное примечание относится к специальным (предусмотренной Особенной частью УК РФ) и императивным видам освобождения от уголовной ответственности – при соблюдении указанных выше условий (возместить вред в полном объеме, либо принять меры по введению здания в эксплуатацию), компетентный орган или должностное лицо обязано освободить такого субъекта от уголовной ответственности [12,361].

Для освобождения от уголовной ответственности достаточно одного из указанных признаков, однако они могут и сочетаться. В последнем случае сочетание обоих условий свидетельствует о большом желании виновного лица удовлетворить имущественный интерес потерпевших всеми способами.

Говоря об освобождении от уголовной ответственности «по делам о дольщиках», стоит также упомянуть, что примечание 2 представляет собой специальный вид деятельного раскаяния, который указан в ст. 75 УК РФ.

Согласно ст. 28 УПК РФ надлежащим субъектом освобождения лица от уголовной ответственности является дознаватель с согласия прокурора (если лицо привлекается к ответственности по ч. 1 ст. 200.3 – см. ч.3 ст. 150 УПК РФ), следователь с согласия руководителя следственного органа (если лицо привлекается к ответственности по ч. 2 ст. 200.3 – см. ч. 4 ст. 150 УПК РФ) или суд. Процессуальной формой является постановление или определение о прекращении уголовного преследования.

Одним из условий освобождения от уголовной ответственности является возмещение стоимости привлеченных средств дольщиков в полном объеме. Данными средствами застройщик пользуется определенное время. Тем самым в условиях инфляции подобные суммы обесцениваются, а дольщик по прошествии времени не сможет купить за указанное количество денег квартиру подобного рода и качества. Поэтому некоторые ученые, в частности Д.В. Трюхан [11,79], О.Г. Соловьев, А.В Соколова [10,9], А.А. Князьков [8,107] и др., предлагают в порядке *de lege ferenda* предусмотреть в качестве условия освобождения от уголовной ответственности не только возмещение реального ущерба, но и выплату процентов (своего рода упущенная выгода). Проценты представляют своего рода плату за пользование застройщиком денежными средствами дольщиков, которые привлечены для строительства дома. Данные авторы ссылаются на аналогичный порядок по освобождению от уголовной ответственности по иным экономическим преступлениям – примечание 2 к ст. ст. 198,199-199.1 УК РФ. Указанные нормы также одним из условий освобождения от уголовной ответственности предусматривают обязанность

лица полностью возместить причиненный ущерб (недоимка, пени и штраф в размере, определенном НК РФ). Индексация денежной компенсации причиненного ущерба направлена на поддержание покупательской способности данной суммы, не является мерой гражданской или иной ответственности и применяется вне зависимости от вины лица, обязанного выплатить компенсацию, в задержке ее выплаты. Единственным основанием для индексации взысканных сумм является их обесценивание на день фактического исполнения решения суда [2].

Указанное положение в настоящее время не представляется возможным реализовать в уголовно-процессуальной форме. Размер присужденной ко взысканию суммы компенсации причиненного вреда не может быть увеличен с учетом индексации в порядке исполнения приговора, поскольку такое решение не предусмотрено главой 47 УПК РФ. Заявление гражданского истца об индексации рассматривается судом в порядке гражданского судопроизводства в соответствии с частью 1 статьи 208 ГПК РФ [4].

Еще одним недостатком законодательной техники конструирования примечания 2 к ст. 200.3 УК РФ является то, что условия освобождения не содержат оговорки о том, что в содеянном должны отсутствовать признаки состава иного преступления (например, ст. 201 УК РФ) [7,53]. Данное правило указывает, что при наличии признаков состава иного преступления за свои действия лицо подлежит уголовной ответственности по иным статьям Особенной части УК РФ.

Также стоит указать, что ни законодательство, ни акты толкования Пленума Верховного Суда РФ не содержат разъяснений применительно к возмещению в полном объеме привлеченных средств: кем именно, в каком порядке и кому должна возмещаться соответствующая сумма, и относится ли возмещение исключительно к незаконно привлеченным либо ко всем привлеченным средствам. Обращает на себя внимание бланкетность диспозиции статьи: законодатель не раскрыл, о каких конкретно нарушениях Закона о долевом строительстве идет речь. Такими нарушениями, очевидно, должны

выступать, к примеру, привлечение средств до получения разрешения на строительство; несоответствие требованиям, предъявляемым Законом к застройщикам и ряд иных. Вместе с тем, не до конца понятным представляется, подпадают ли любые нарушения Закона под запрет ст. 200.3 или нет. На наш взгляд, соответствующие правки целесообразно внести в Закон для формирования единого правоприменения.

Следует отметить, что денежные средства граждан - участников долевого строительства могут быть привлечены застройщиком с соблюдением всех предписаний Закона, однако уже в последующем использованы не по целевому назначению, что в итоге приведет к тому, что строительство объекта не будет завершено. Если формально следовать букве закона, в подобном случае состава преступления ст. 200.3 УК в действиях застройщика нет. Но такое решение вопроса вряд ли является оправданным, ибо как справедливо замечает А. Г. Курников, в этом случае нивелируется главная цель принятого закона о внесении в УК ст. 200.3 – защита прав обманутых дольщиков, инвестировавших в строительство и пострадавших в результате недобросовестных действий застройщика, приведших к невозможности как вернуть инвестированные в строительство денежные средства, так и получить в собственность объект недвижимости [9,13].

Теперь рассмотрим, как применяются положения примечания 2 к ст. 200.3 УК РФ на практике. Элистинский городской суд Республики Калмыкия установил [6], что генеральный директор ООО «Кристалстрой» Ш.А.Н. нарушил требования законодательства в сфере строительства многоквартирных домов. Объективная сторона преступления состояла в следующих нарушениях: застройщик не предпринял меры к получению разрешения в Администрации г. Элисты Республики Калмыкия на строительство многоквартирного дома, не опубликовал и не предоставил проектную декларацию в Министерство по строительству, транспорту и дорожному хозяйству Республики Калмыкия и соответственно не получил положительное заключение о соответствии проектной документации требованиям технических регламентов, а также не

заключил договор аренды земельного участка, зарегистрированный в установленном порядке. Тем не менее Ш.А.Н. решил организовать деятельность по привлечению денежных средств граждан для строительства многоквартирного дома путем подачи объявлений в средствах СМИ о предстоящем строительстве и заключении с возможными дольщиками договоров бронирования квартир. Таких договоров было заключено 17. Тем самым подсудимый нарушил права и законные интересы участников долевого строительства, лишив их установленных законом государственных гарантий реализации прав участников долевого строительства по возмещению понесенных затрат в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения своих обязательств застройщиком, выполнив строительные работы по указанному объекту недвижимости лишь в размере 10%. Всего было привлечено 9 852 740 рублей, что свидетельствует об особо крупном размере имущественного ущерба (квалифицирующий признак ч. 2 ст. 200.3 УК РФ). В судебном заседании Ш.А.Н. заявил ходатайство о прекращении производства по уголовному делу и освобождении от уголовной ответственности на основании п. 2 ст. 200.3 УК РФ в связи с возмещением в полном объеме привлеченных средств всем 17 потерпевшим. Суд установил, что 15 потерпевших подтвердили данный факт письменными заявлениями, а двое - показаниями. Тем самым все потерпевшие по делу не имеют претензий к подсудимому. На основании изложенного суд постановил прекратить уголовное дело в отношении Ш.А.Н. по ч. 2 ст. 200.3 УК РФ и освободить его от уголовной ответственности на основании примечания 2 к ст. 200.3 УК РФ. Вынося указанное решение, суд посчитал, что оно соответствует целям и задачам защиты прав и законных интересов личности, общества и государства. Напомним, что согласно разъяснениям Пленума Верховного суда РФ если в результате преступления пострадало несколько потерпевших, то отсутствие примирения хотя бы с одним из них препятствует освобождению лица от уголовной ответственности за данное преступление [3].

Одним из надлежащих субъектов, правомочным принимать решение об освобождении от уголовной ответственности на основании прим. 2 ст. 200.3 УК

РФ является следователь. Поскольку законодатель наделяет его таким полномочием в силу ст. 28 УПК, значит, данное лицо в пределах своих полномочий вправе самостоятельно принимать решения по указанному вопросу. В связи с этим показательным является Апелляционное постановление СК по уголовным делам Верховного Суда Республики Крым от 19 июня 2018 г. по делу N 22-1419/2018 [5]. Генеральный директор ООО «...» обратился в СУ МВД по Республике Крым с ходатайством о прекращении уголовного дела, возбужденного по ч. 2 ст. 200.3 УК РФ. Обвиняемый в ходатайстве указал, что многоквартирный дом принят в эксплуатацию, что подтверждается декларацией о готовности объекта к эксплуатации. Однако следователь СУ МВД отказал в удовлетворении указанного ходатайства своим постановлением и уголовное дело не прекратил, однако разъяснил ходатайствующему лицу, что его доводы будут исследованы в ходе расследования. Обвиняемый не согласился с указанным решением и обжаловал его в суд первой инстанции в порядке ст. 125 УПК РФ. Однако суд указал на отсутствие достаточных данных, указывающих на нарушенный интерес заявителя, а его доводы признал несостоятельными, противоречащими положениям закона, которые наделяют следователя процессуальной самостоятельностью при ведении уголовного дела и определяют границы судьи на стадии досудебного производства. Таким образом суд первой инстанции не удовлетворил жалобу обвиняемого. Указанное решение было предметом обжалования в апелляционной инстанции, которая согласилась с решением нижестоящего суда и указала, что в порядке ст. 125 УПК не могут рассматриваться жалобы, обязывающие следователя как самостоятельную процессуальную фигуру к выполнению конкретных следственных и процессуальных действий. Таким образом, жалоба защитника не удовлетворена, а постановление суда первой инстанции оставлено без изменения. Таким образом, следует констатировать, что суды не вмешиваются в компетенцию органов уголовного преследования по вопросам обоснованности или необоснованности решений об освобождении от уголовной ответственности.

Подведем итоги. Статья 200.3 УК не лишена технических изъянов. Почему условие о возмещении ущерба дольщикам требует лишь возмещения реального ущерба, без уплаты процентов (т.е. так называемой упущенной выгоды), чем игнорируются процессы инфляции, остаётся неясным. В законе необходимо указать - кем именно и кому должна быть возмещена соответствующая сумма, и относится ли возмещение исключительно к незаконно привлеченным либо ко всем привлеченным средствам граждан. Также примечание не содержит оговорки относительно того, что в содеянном отсутствуют признаки состава иного преступления и только при наличии подобного условия лицо освобождается от уголовной ответственности. Представляется, что указанные недочеты должны быть исправлены либо на законодательном уровне, либо специально оговорены в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. N 48 "О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности".

Список литературы

1. Федеральный закон от 01.05.2016 N 139-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления уголовной ответственности за нарушение требований законодательства об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости" // Российская газета. 2016. 6 мая.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.07.2018 N 35-П // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 09.12.2014 N 81-КГ14-17 // Там же.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 N 19 "О применении судами законодательства, регламентирующего основания и

порядок освобождения от уголовной ответственности" // СПС «КонсультантПлюс». П. 13.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 N 17 "О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве"// СПС «КонсультантПлюс». П. 23.
5. Апелляционное постановление СК по уголовным делам Верховного Суда Республики Крым от 19 июня 2018 г. по делу N 22-1419/2018 // Информационно-правовой портал «ГАРАНТ.РУ» (дата обращения: 10.07.2019).
6. Постановление Элистинского городского суда Республики Калмыкия от 23 мая 2018 г. по делу №1-75/20018 //Информационно-правовой портал «ГАРАНТ.РУ» (дата обращения: 10.07.2019).
7. Аснис А.Я. Уголовно-правовая новелла об ответственности за посягательства на законные интересы участников долевого строительства многоквартирных домов // Законодательство и экономика. 2016. №10. С. 48-54.
8. Князьков А.А. Привлечение денежных средств граждан - участников долевого строительства многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости (ст. 200.3 УК РФ): некоторые вопросы правоприменения // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (Вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2018. № 7(7). С. 101 - 111.
9. Курников А.Г. Новое в законодательстве: уголовная ответственность за обман участников долевого строительства // Жилищное право. 2016. № 7. С. 7 - 17.
10. Соловьев О.Г., Соколова О.В. Стимулирующие нормы-новеллы в статьях о преступлениях в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ) // Юридическая наука. 2017. №3. С. 143 -147.
11. Трюхан Д.В. Освобождение от уголовной ответственности за преступления, связанные с нарушением законодательства в сфере привлечения денежных средств граждан к участию в долевом строительстве многоквартирных домов // Общество и право. 2017. №4 (62). С. 76 - 79.

12. Уголовное право России. Общая часть: учебник для бакалавров /отв. ред. А.И. Плотников. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2016. 442 с.

Статья подготовлена в рамках гранта Президента РФ МК-327.2019.6.

РЕЦЕНЗИИ

УДК: 167.7

ОТЗЫВ НА СТАТЬЮ Д.И. НАУМОВА «КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: СОЦИАЛЬНО - ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ»

Каменев Сергей Валентинович

кандидат философских наук, доцент,

профессор кафедры гуманитарных технологий,

Морской государственной университет им. адм. Г.И. Невельского, г. Владивосток

REVIEW OF ARTICLE OF DMITRY I. NAUMOV «THE COLLECTIVE MEMORY AS A FACTOR OF NATIONAL IDENTITY: A SOCIO- PHILOSOPHICAL ASPECT»

Sergey V. Kamenev

Candidate of Philosophical Sciences (Ph.D.)

Associate Professor

Maritime State University named after Admiral G. I. Nevelskoy,

Vladivostok

Феномен коллективной памяти давно привлекает внимание исследователей из самых разных областей социально-гуманитарного познания. В своей статье Д.И. Наумов, не посягая на особое новаторство, сосредоточивается на осмыслении имеющихся в научной литературе интерпретаций связи коллективной памяти с политическим сознанием и национальной идентичностью. Перечисляя имена более двух десятков отечественных и зарубежных ученых, занимающихся изучением различных аспектов коллективной памяти, автор резонно не пытается систематизировать разнообразие трактовок и точек зрения, а лишь избирательно апеллирует к тем или иным исследовательским суждениям для иллюстрации собственных идей.

Не вызывает сомнения акцентированная в тексте политическая ангажированность природы коллективной памяти. Думается однако, что сфера её обусловленности и влияния требует рассмотрения в гораздо более широком социально-культурном контексте.

Тезис статьи о том, что «общий аксиологический базис выступает в качестве обязательного компонента процесса нормального функционирования политической системы» представляется слишком сильным. Если задачей государства является воспроизводство общих нормативных регуляторов в социальных взаимодействиях, то область ценностных шкал и приоритетов различных акторов нормативно простроить очень затруднительно, на что, впрочем, автор справедливо указывает. Сфера политической жизни общества всегда дифференцирована, и по мере нарастания социального разнообразия, свойственного развитым цивилизациям, различия интересов, нормативных и ценностных ориентиров только углубляются. В отношениях власти и управления это обстоятельство наиболее заметно проявляется в противостоянии и борьбе идеологий, для которых важным санкционирующим основанием выступает в том числе и коллективная память. Вообще, связь политической деятельности и коллективной памяти представляется весьма опосредованной: всё же политика устремлена к будущему, а память обращена к прошлому. Именно поэтому сегодня первая как правило довольно агрессивно программирует вторую.

Меньшую степень конъюнктурности и гораздо большую устойчивость обнаруживает феномен национальной идентичности, в формировании и воспроизводстве которого, по справедливому замечанию автора, коллективная память играет важную роль. Д.И. Наумов вычленяет несколько аспектов анализа влияния коллективной памяти на процесс складывания национальной идентичности. Механизмы создания символического образа нации, способы поддержания демаркационных различий в сообществах, возможности общего понимания прошлого разными поколениями, способствующие сохранению культурной преемственности, представлены автором с опорой на мнения авторитетных ученых. При этом акцентируется высокая степень динамики

рассматриваемых социокультурных феноменов, свойственная современной эпохе. В отношении к коллективной памяти это означает, что последняя представляет собой не столько набор устойчивых и статичных картин (образов) прошлого, сколько многоуровневый и противоречивый процесс осмысления и переосмысления былого, перманентного переформатирования достопамятного и забытого...

Что касается четвертого аспекта обозначенной проблемы, то упрек «традиционных монистических философских теорий» в неспособности адекватно описывать и объяснять социальную реальность адресован не вполне корректно. Философии вообще не свойственно описывать или объяснять какие-либо конкретные явления. Философские учения способны лишь сформировать мировоззренческие и методологические основания для таких описаний и объяснений, которыми занимаются конкретные науки.

Довольно необычным является то, что цель работы сформулирована в последней трети статьи. Коллективная память определяется здесь как «ретроактивный процесс», в представлении которого автор почему-то рисует статическую картинку (комплекс мифов, верований, представлений), опуская характеристику его динамических параметров (воспоминание, забывание, игнорирование или акцентирование).

В заключительной части статьи автор представляет аксиоматику и возможности методологии примордиализма и конструктивизма в толковании взаимодействия коллективной памяти и национальной идентичности. Может показаться, что примордиалистские подходы в полифонии (если не какофонии!) современных социальных процессов выглядят несколько архаично. В то же время активно утверждающаяся цифровая эра, открывающая невиданные возможности в манипулировании массовым сознанием вообще и управлении коллективной памятью в частности, обеспечивает изрядную фору конструктивизму. Надо отдать должное автору статьи, удержавшемуся от соблазнов одиозных оценок и в представлении столь расходящихся методологических подходов сохранившему нейтралитет.